

antique

Марина
Ефиминюк

Школа выживания

С детства друзья называли меня тихоня Лерой. Я училась на отлично, планировала стать артефактором и получить медаль за заслуги перед обществом Тевета. Но все изменилось, когда я приняла участие в игре «скольжение» и переместилась в параллельный мир Абрис. Кто же знал, что одна единственная ночь, проведенная в мире темной магии, навсегда изменит мою жизнь? И теперь мне придется проверить на себе, насколько светла магия родного Тевета, насколько темны руны Абриса, и можно ли доверять врагу, рядом с которым так громко стучит сердце...

ru
ru

Марина
Ефиминюк

FictionBook Editor Release 2.6.6
29.6.2019
af25dbab-4af4-45a5-b5ce-adcb4deac7b8
1.0

Марина Ефиминюк
Школа выживания

ПРЕДИСЛОВИЕ

Семь поколений
*

назад случился чудовищной силы магический взрыв, и в Тевете абсолютно все, а не только

носители Истинного Света, получили способность управлять магическим светом. Этот же взрыв свел вместе две параллельные вселенные, прежде не догадывавшиеся о существовании друг друга. Абрис, мир темных ведунов и рунического колдовства, приблизился настолько, что стал различимым даже невооруженным глазом. В небе Тевета

▲ погасли звезды, и расцвел далекий призрачный город, находившийся в изнанке вселенной.

Началась новая эпоха.

Ее называли эпохой после Схождения.

*

Одно поколение — 20-25 лет

ГЛАВА 1. СКОЛЬЖЕНИЕ

Был поздний летний вечер, и в заброшенный ангар, где когда-то работала ткацкая мануфактура, набилась толпа народа. Куда ни кинь взгляд, попадались знакомые лица. Складывалось ощущение, что шла середина учебного семестра, а не середина каникул, и мы все собрались в университетском спортивном зале на соревнованиях между артефакторами и алхимиками. Только призом служила крупная сумма золотых монет, а не жестяной кубок, радовавший разве что самолюбие деканов. Да и было это вовсе не соревнование, а запрещенная игра «скольжение». Несколько человек переправлялись в параллельный мир Абрис, в лабиринте незнакомых улиц находили магические ворота и переносились обратно домой, в Тевет. Выигрывал самый быстрый, но рисковали участники одинаково. Границу между мирами закрыли около двух поколений назад после Десятилетней войны, перемещения находились под запретом и карались реальным сроком. Однако опасность загреметь в застенки никого не смущала. Развлечение пользовалось бешеной популярностью у адептов Университета*. Насколько бешеной я оценила, когда вместе с Крис оказалась в ветхом ангаре. Будем честными, кто откажется от попытки за какие-нибудь пятнадцать минут заработать оплату целого учебного семестра?

— Змеюшник тоже здесь, — предупредила подруга, поспешно поворачиваясь к кому-то спиной.

— Где? — Я оглянулась.

В нескольких футах** от нас в компании ярко одетых хихикающих девчонок стояла

светловолосая красавица Аглая. Нас с Крис она, мягко говоря, недолюбливала. Вернее, не

любила она меня, а подруга, учившаяся с нею на факультете Изыщных Искусств, вечно

попадала под раздачу.

– Не пялься на них! – процедила Крис.

Но одна из приспешниц, в смысле, фрейлин нас уже заметила и что-то возбужденно заговорила

остальным. На хорошеньком личике Аглаи моментально расцвела неприятная улыбка.

– Ну, вот! Я же просила не пялиться, – жалобно простонала Крис. – Они же, как бешеные

собаки – только взглядом встретишься, сразу кидаются.

Не успела она договорить, как прозвучал сладкий фальцет блондинки:

– Эй, святоша Крис! Ты вечернюю молитву не пропустишь?

Отец Кристины служил молещиком в Храме Судьбы, и держал семерых детей в таком кулаке,

что изворотливость подруги в нарушении многочисленных правил невольно вызывала уважение. Если бы ее родители узнали, что старшая дочь пришла поглазеть на запрещенную

игру, то до старости заперли бы ее дома. Хотя, скорее всего, мой папа, обладавший

нечеловеческим терпением, поступил бы так же.

– Проклятье, я ее сейчас ударю светочем, – покраснела Крис, озираясь на ухмылявшиеся лица

университетский сплетников, только и ждущих хорошего повода посудачить.

– Ты не умеешь делать светочи, – напомнила я. – Просто наплюй...

– Тихоня Лерой, ты тоже здесь? – немедленно взялась на меня блондинка. – Думала, что ты

в это время уже спишь. У тебя бессонница? Хочешь, подскажу адресок хорошего здравника?

– Стесняюсь спросить, отчего он лечил тебя? – ответила я шпилькой на шпильку. Девчачьи скандалы всегда привлекали народ. Мы невольно оказались в центре внимания, а

Аглая явно напрашивалась на побои и явно не желала делать вид, что мы незнакомы.

▲ Кстати, Валерия, слышала, что твой лучший друг обручился?

Насмешка тупым ножом врезалась в грудь, даже дышать стало больно, но я настолько поднаторела в искусстве лжи, что легко изобразила милую улыбку.

– Кстати, Аглая, он все еще принимает поздравления. Хочешь, подпиши карточку.

Мне

несложно напомнить Тину, откуда вы знакомы.

С лица противницы испарилась усмешка.

В середине весны у университетской королевы случился короткий роман с моим лучшим

другом Валентином Озеровым, сыном королевского Советника. Интересы Тинахватило всего на

месяц, а Аглая, судя по реакции, все еще страдала.

– Так что? – поднажала я. – Передать или воздержись?

Синие глаза блондинки сузились

– Он ведь не догадывается, что ты, Валерия, вовсе не тихоня, а стерва, каких еще поискать

надо.

– Не догадывается. – Я покачала головой и развела руками:

– Он знает.

Она резко развернулась, махнув длинным подолом струящегося платья, и направилась

сквозь
расступавшуюся толпу в противоположный угол амбара. За предводительницей
разноцветным
хвостом потянулась свита. Изредка фрейлины оборачивались и что-то зло шипели.
– Змеюка, – фыркнула Крис. – Чего ей в жизни-то не хватает?
– Мозгов ей в жизни не хватает, – отозвалась я.
– Она, правда, еще по Валентину сохнет?
– По всей видимости.
– И, правда, дурочка.
Последнее замечание я предпочла не заметить. Когда знаешь болевые точки
противника, его
легко дразнить. С Аглей мы отличилась лишь тем, что о моей безнадежной,
болезненной любви
к Валентину Озерову не догадывалась ни одна живая душа.
– Я бы никогда не подумала, что он решит жениться так рано. – Крис явно
собиралась
обсудить случившееся в моей жизни горе, в смысле, помолвку Тина.
– Угу, – мечтая, чтобы она не надумала развить тему, без энтузиазма промычала я.
Сама
мысль о том, что скоро он станет главой семейства, вызвала во мне волну
возмущения.
К счастью, появление ведущего, невысокого плюгавенького типа в ярко-голубой
тунике,
избавило меня от необходимости продолжать неприятный разговор. Игра начиналась.
– Смотрящие, вы готовы? – Народ зашелся в одобрительном вопле. – Показываем
игровое
поле...
На стене оживили нанесенную с помощью стило*** топографическую руну. Знак
вспыхнул,
рассылая по поверхности голубоватые огоньки. Светляки рисовали на досках
хаотичные
выжженные линии, словно ребенок непослушной рукой калякал странный узор. Однако
вскоре
изображение приобрело четкость, и появилась схема абрисских улиц. В одном из
тупиков
светился круг, символизовавший магические ворота.
– Бросаем жребий, господа! – В руках ведущего появился черный мешок, куда при
входе
складывали записки с именами желающих сыграть.
Предвкушение гонки оказалось заразительным, я поймала себя на том, что встала на
цыпочки,
чтобы не пропустить ни одной детали. Когда назвали имя первого игрока, то
мануфактура
зашлась в одобрительном вопле.
– В прошлый раз он взял приз, – пояснила Крис с горящими от нетерпения глазами и
завизжала от радости, когда вторым игроком оказался победитель прошлогодней
игры.
Оба парня учились со мной на факультете Прикладной Артефакторики. Никогда бы не
догадалась, что они участвовали в подпольных играх. Хотя за три года учебы лучше
всего я
изучила повадки обитателей университетской библиотеки, и немножко похуже –
завсегдатаев
магической лаборатории.
От азарта подружка едва не подпрыгивала на месте.

– Проклятье! Вот это будет раунд! Два победителя разом! – с восторгом в голосе повторяла она.

– Третий участник! – выкрикнул ведущий, запуская руку в мешок, и вытащил скомканную шариком бумажку. – Тихоня Лерой!

В первый момент почудилось, что я просто ослышалась.

▲– Какого...

Народ зашушукался, не понимая, кому выпал жребий.

– Лерой, ты бросила бумажку? – изумилась Кристина, отказываясь верить собственным ушам.

– Нет, – медленно покачала я головой, как громом пораженная.

– Вон она! – в восторге завизжали фрейлины Аглаи, указывая в нашу сторону, и моментально стало ясно, кто меня подставил.

Толпа разошлась, как по мановению волшебной палочки, и мы с Крис оказались вдвоем на опустевшем пяточке.

– У нас играет милая барышня? – расплылся ведущий в улыбке и сделал рукой приглашающий жест. Мол, добро пожаловать в ворота в преисподнюю.

Было понятно, что место «милрой барышни» явно не на пороге в Абрис и даже не в мануфактуре. Ориентирование на местности никогда не входило в число моих сильных сторон.

Кусая губы, я лихорадочно прикидывала, как поступить лучше. Отказаться и стать посмешищем? Или согласиться, с позором проиграть и все равно стать посмешищем? Противники, стоявшие в круге, с самодовольным видом ударились сжатыми кулаками. И этот

жест, намекавший, что мне не давали хотя бы четвертушки шанса, вдруг показался очень обидным.

Я и сама не поняла, как сделала шаг вперед.

– Лерой, ты будешь участвовать? – в ужасе зашипела Крис, пытаясь меня остановить.

– Кажется...

– Ты с ума сошла?!

– Ну... как сказать...

Под одобрителные выкрики зрительного зала, я пересекла ангар и вошла в нарисованный на полу магический круг. Пока народ делал ставки, нам вручили одно на всех стило – нарисовать

следящую руну, чтобы толпа могла наблюдать за перемещениями на схеме города.

Откровенно говоря, для меня коллективное пользование одним стилем приравнивалось к тому,

как одной ложкой на троих хлебать из общей миски суп. Брезгливо, но, конечно, не смертельно.

Когда магический «карандаш» переключался ко мне, то я не удержалась и под понимающими

усмешками парней обтерла его о леггинсы, а только потом одним росчерком поставила на раскрытой ладони знак.

От легкости, с каким небрежно нанесенная руна наполнилась магическим светом, у ведущего

хищно блеснули глаза.

– Госпожа Истинный Свет?

Пришлось оставить замечание без комментариев, и побыстрее сжать кулак, чтобы предательский свет потушить. Я никогда не скрывала, но и особенно не выпячивала то, что являлась обладательницей древнего дара. Это до большого взрыва природный магический талант делал человека особенным, а, перейдя через поколения, в обществе неофитов**** он превращал обладателя в белую ворону. Когда я снова разжала кулак, то на ладони остались тонкие едва заметные линии. Нам вручили карты абрисского города, а потом началось перемещение. Ворота ожили. Круг на полу засветился, и по контуру вспыхнули символы. Они завертелись стремительной каруселью, превращаясь в размазанную линию. Лица людей искривились, словно оказались за плохо отлитым стеклом. В воздухе затрещали магические разряды. Я не успела ни осознать, во что ввязалась, ни испугаться, ни запаниковать, только зажмурилась, чтобы не затошнило. Прежде чем пол под ногами разверзся, в голову пришла несвоевременная мысль, что дома остался недочитанный любовный роман. Потом я резко ухнула вниз, хотя почему-то ожидала, что меня начнет возносить, ведь Абрис светился именно в небе. Все закончилось неожиданно. Под ногами появилась твердь, и я переместилась в чужой мир.

*Университет – Теветский Королевский Университет Магических Наук, входящий в тройку

лучших учебных заведений светлого мира Тевета.

**Фут = 0,3084 метра

***Стило – магический инструмент для рисования, выжигания и активации рун.

Напоминает

самопишущее перо с острым концом.

▲****Неофиты – жители Тевета, получившие магический дар благодаря большому взрыву.

Сила некоторых неофитов не уступает силе обладателей Истинного Света, но в общей массе

неофиты являются слабыми магами. Их света хватает на простые бытовые руны и заклятья. Они

быстро истощаются и дольше восстанавливаются.

Я оказалась в холодном помещении с плотно закрытыми портьерами на окнах. Темнота вокруг

пахла книжной пылью и табаком. На мгновение сознание обожгла паническая мысль: что если я

не сумела пересечь границу между мирами? Что если ворота просто перенесли меня в чужой

особняк в родном Тевете?

В растерянности я выставила раскрытую ладонь и зажгла магическую искру, голубоватый огонек, похожий на нежный язычок свечного пламени. Стараясь разобраться, куда меня все-таки занесло, огляделась. Под магическим светом на затянутых в темный материал стенах, потолке и даже на полу вспыхивали незнакомые руны. Я сама стояла в центре знака. Стараясь не задеть линии, осторожно переступила на чистый островок наборного паркета. Совершенно точно это был не Тевет. Растерявшись еще больше, я мяла карту, непрозрачно намекающую, что меня должны были перенести на улицы города, а не в чужой дом, и не понимала, куда теперь бежать. Снова повернулась. Книжные шкафы с тисненными золотом томами, массивный стол, дверь в чулан... Неожиданно в мертвой тишине послышалось эхо чужих шагов. Я немедленно сжала кулак, гася искру, и погрузилась в слепую темноту. Шаги стали громче и отчетливее. Едва различая предметы вокруг, я бросилась в сторону чулана. Влажной от страха рукой нащупала ручку. Скользнув в кромешную темноту, бесшумно закрыла дверь. Секунды текли, длинные, страшные. В ушах шумело, сердце грохотало, и я даже не услышала, а скорее почувствовала, что за спиной кто-то стоял. Мне не хватило ни силы воли, ни крепости духа, чтобы повернуться к живой темноте лицом. К глазам подступили слезы. Я кусала губы, стараясь не расплакаться, и все равно громко всхлипнула прежде, чем рот накрыла чужая горячая ладонь. Меня прижали к крепкому мужскому телу, сильно и тесно. Мгновением позже темноту разрежала короткая красноватая вспышка, и вдруг в лицо ударил порыв ледяного ветра. Перемещение из мертвого особняка на осеннюю улицу произошло быстро и внезапно. Мне не сразу удалось осознать, что мы находились в безлюдном тупике, у темной кареты, под непривычно-рыжеватым, точно ржавым, светом фонаря. Сверху летела пудра мелкого дождя, брусчатка блестела. В голове мгновенно всплыли страшные байки про похищенных в Абрис людей и убитых в темных ритуалах девственницах, какими так любили потчевать народ газетные листы. Мыча, я стала яростно вырываться из сильных рук. Попыталась укусить похитителя, но только обслюнявила его ладонь и перепачкала себе лицо. Мужчина отдал вознице короткий приказ. Тот немедленно прыгнул с козел и открыл дверь. Не желая забираться внутрь, я уперлась ногами в ступеньку. – Обездвижу, – прозвучало над самым ухом по-теветски с едва уловимым акцентом.

Родная речь в устах чужака настолько меня шокировала, что я обмякла и тут же оказалась в карете. Забилась в угол деревянной лавки и, низко опустив голову, безглаголиво обтерла рот рукавом летнего плаща. Похититель забрался следом и, усевшись напротив, произнес:

— Совсем страха нет?

Дверь захлопнулась. Окна были затянуты кожаными занавесками, и мы окунулись в темноту.

Однако едва экипаж тронулся с места, как сверху полился желтоватый тусклый свет. Я ежилась,

ощущая, как внимательно меня рассматривал абрисский ведун.

▲Скорее всего, он видел магический свет в особняке, и теперь прикидывал, насколько заложница

из Тевета может оказаться опасной. Впервые в жизни я пожалела, что отказалась от курса

самообороны, потому как перед темным колдуном была бессильна, точно ребенок.

Неожиданно он потянулся ко мне, заставив испуганно вжаться в деревянную спинку скамьи, и

выдернул из рук карту. У меня в кулаке остался оторванный кусочек. Последовала долгая пауза,

а потом он спросил:

— Кто ты?

Я прикусила губу. Он что-то пробормотал по-абрисски, а потом холодно добавил:

— Скоро разговоришься.

От страха у меня зашевелились на затылке волосы. Я вскинулась и, к собственному изумлению,

обнаружила напротив брюнета лет гораздо старше меня, лет на восемь. Серые яркие глаза, но

взгляд — тяжелый. В нижней губе, слева, было тонкое серебряное колечко. Кто в таком

возрасте вставляет лабрету?

— Ты ведь знаешь, что у нас не вступают в переговоры со шпионами? Или ты перебежчица?

Такие здесь тоже есть.

— Куда ты меня везешь? — спросила я, и на одно мгновение у мага сделалось странное лицо.

Он как будто подсознательно ожидал, что пленница заговорит плаксивым фальцетом, а не

взрослым голосом.

— Для чего ты переместилась в Абрис?

— Меня будут пытаться? — От страха я спрашивала первое, что приходило в голову. Как будто

мысли, едва возникнув в голове, тут же прямотоком выливались изо рта.

— Что ты делала в доме Исаи Гленна?

— Меня никогда не отпустят?

Возникла долгая пауза. Маг кивнул:

— Девушка, кто-то должен первым начать отвечать. Из нас двоих ты нарушила границы. — Он

сделал приглашающий жест рукой.

Я облизала пересохшие губы и призналась:

— Я участвовала в скольжении. Это такая университетская игра. Мне дали карту, — я кивнула

на смятый клочок коричневатой бумаги в руках мага, — по ней надо было найти

ворота и
вернуться обратно. На меня даже деньги поставили. Я не шпионка, а адептка, и не
знаю, почему
переместилась в тот дом, а не на улицу.
Парень смотрел на меня с нескрываемой иронией, не веря ни единому слову.
– Ты мне не веришь? – для чего-то переспросила я очевидную вещь.
– Я встречал много адептов с вашей стороны, но у тебя оказался самый подвешенный
язык.
– Я не вру! – перебила я и растерла лицо ледяными ладонями. – Проклятье, как же
тебе
объяснить?
Некоторое время мы молчали. Разглядывали друг друга. Мой взгляд, как
зачарованный, все
время возвращался к колечку в его губе. Никто из знакомых мне парней никогда не
делал дырок
в теле, тем более на лице. В голове крутилась несуразная мысль, совершенно
неподходящая
ситуации мысль: в трескучий мороз оно примерзает?
– Сколько тебе лет? – резко спросила я, стараясь отвлечь себя от странной
фантазии на тему
того, как темный ведун облизывает зимой губу.
– Назови свое имя.
– Валерия Уварова, – без колебаний назвалась я. – Так, сколько тебе лет?
Двадцать восемь?
– Двадцать четыре, – поправил он с непроницаемым видом. Он точно врал.
– Ты женат?
– Нет.
– Помолвлен?
– Нет.
– Вот! Что и требовалось доказать! – Я щелкнула пальцами, отчего световой
кристалл на
потолке зашелся в нервическом треске и пару раз истерично мигнул. – Никто не
женится до
тридцати. Скажи? А парню, с которым я собиралась потерять девственность,
исполнилось
двадцать три, но он обручился. Как понимаешь, не со мной.
Судя по тому, как у мага медленно вытягивалось лицо, он ничего понимать не
собирался и
меньше всего был склонен примерять белую рубашку девственницы из Абриса,
страдающей по
чужому жениху.
♣– У меня ощущение, что я на прошлой седмице не на обряде обручения сидела, а
на поминках
по разрушенным надеждам. – Мне следовало заткнуться, но от паники признания
лились
щедрым потоком – не перекроешь. – До сих пор не могу поверить! Он же бабник,
каких Тевет
еще не видал. Так почему надумал жениться? Потом я решила, что просто обязана
совершить
нечто, доводящее Тина до бешенства, и увязалась за Крис на скольжение. И
переместилась в тот
дом... Сделала больно, называется, человеку, который даже не подозревал, что ему
делают
больно. Но знаешь, что меня бесит больше всего? Что я несу всю эту ахинею и

почему-то не
могу заткнуться!

Неожиданно слова закончились. В воздухе повисло натужное молчание. Совершенно ошарашенная собственным словоблудием я выразительно моргнула. Кажется, я
исхитрилась

рассказать темному ведуну о личной жизни больше, чем лучшей подруге за последние
три года.

Он откинулся на сиденье, сложил руки на груди. Внимательный взгляд, каким обычно
смотрят

взрослые, прикидывая, какого наказания наслужил расшалившийся ребенок, замер на
моем

лице, потом скользнул к открытым сандалиям из трех ремешков. Чувствуя, что от
стыда готова

под землю (особенно, если, провалившись, вернулась бы домой), я спрятала грязные
ноги под

лавку.

Интересно, если сказать что-нибудь вроде «спасибо, что дал исповедоваться»,
пришибет

смертельным проклятьем?

— Извини, — наконец, выдавила я, нервно заправляя выбившуюся из пучка
светло-русую прядь
волос.

— И много?

— Чего?

— Денег на тебя поставили много?

— Понятия не имею, — передернула я плечами. — Я ведь не вернулась обратно.

— Что ж... В любом случае, ты бы никогда не выиграла.

— Почему?

— Ты переместилась в другой конец города, так что тебе очень повезло со мной
столкнуться.

— Повезло? — опешила я.

Станные у него понятия о везении. В отличие от Тевета, где после большого
взрыва абсолютно

все жители получили дар света, в Абрисе равновесие нарушено не было. На сотню
обычных

людей встречался только один настоящий колдун, с ним-то мне и «повезло»
столкнуться в

пустом доме. Учítывая, с какой жестокостью во время войны абрисские ведуны
убивали

обладателей Истинного Света, было в пору падать в обморок.

Я настороженно следила, как он постучал в стенку кареты. Со жмахом открылась
заслонка, и

маг отдал приказ на родном языке. Через некоторое время экипаж остановился.

Парень открыл

дверь, впустив в салон пахнувший осенью холод, прыгнул на пешеходную мостовую и
протянул ко мне ладонь.

— Что ты делаешь? — вымолвила я, боясь высунуть нос наружу.

— То, о чем непременно буду сожалеть. — Он нетерпеливо потряс рукой:

— Вылезай.

— Ты меня отпускаешь?

— Останешься в карете?

Что за раздражающая привычка отвечать вопросом на вопрос?

Я подскочила на лавке с такой проворностью, словно подо мной распрямилась крепко
сжатая

пружина. Без стеснения схватила его за руку и, перепрыгнув растолканную лошадиными

копытами жижу, встала на выложенную камнями дорожку.

Оказалось, что мы приехали к большому постоялому двору, заставленному распряженными

карементами. Ставни были открыты, и в окнах горел свет. В голову снова полезли дурацкие мысли.

— Зачем мы здесь? — вымолвила я, зябко обхватывая себя руками. — Ты ведь... не хочешь...

чтобы я...

Маг с недоумением изогнул брови.

— Чтобы я расплатилась! — выпалила я на одном дыхании, и на лице парня расцвела ленивая

улыбка, от какой на щеках появились ямочки.

— И как подразумевается, ты со мной расплатишься?

— Эм-м-м...

Не заставляй произносить это вслух, пожалуйста!

▲Он принялся снимать куртку, как будто заранее начал готовиться к «оплате». У меня вспыхнули

щеки.

— Ты так мило покраснела, — не преминул заметить он. — Не знаю, чего ты там себе навдумывала, недоверчивый ребенок, но здесь готовят лучшую еду в городе. Ты голодная?

Лично у меня перемещения вызывают зверский аппетит и отнимают кучу сил.

Неожиданно маг накрыл курткой мои плечи. Кожаные рукава опустились до самых колен. Она

хранила его тепло и чистый мужской запах. Я ошарашено замерла от того, как легко совершенно незнакомый парень ворвался в мое личное пространство.

— Так что? Составишь мне компанию?

— Это такая абрисская традиция — накормить идейного врага прежде, чем прикончить? —

пробормотала я.

— Мы, вообще, гостеприимный народ, — улыбнулся он.

— Сначала кормите, потом пытаете? — с растерянным видом я следила, как уверенной,

энергичной походкой, сунув одну руку в карман, он направлялся к дверям постоялого двора, а

потом бросилась за ним следом...

В едальной постоялого двора оказалась тьма народа. Наверное, я ожидала, что когда мы войдем,

то немедленно настанет гробовая тишина, и к нам повернутся все головы, но ничего подобного

не произошло. Мой попутчик что-то сказал подскочившему подавальщику, и нас тихонечко

проводили по деревянной лестнице на второй этаж, в отдельную комнату с зажженным камином, куда шум общего зала достигал только невнятным гулом.

Меню не предложили. Заказ приняли со слов мага. Я все это время

предусмотрительно молчала

и грелась у камина. Когда за подавальщиком закрылась дверь, парень вдруг стремительно

подошел ко мне. От неожиданности я даже попятилась, но он схватил меня за куртку, не дав

прислониться ногами к раскаленной каминной решетке.

– Стой. – С непроницаемым видом, словно не замечая, как я медленно заливаюсь краской, маг принялся проверять карманы. Правый, левый. То, с какой легкостью он врвался в мое личное пространство, вызывало паралич. Не потому что он был темным ведуном, а совершенно незнакомым парнем с отличной фигурой, колечком в губе и хищной повадкой, стоявшим от меня в полушаге.

– Я сниму, – одними губами беззвучно сказала я, надеясь прервать пытку, когда он запустил руку во внутренний карман. Маг покачал головой.

– Нашел. – В его руках оказалось тонкое стило из мутно-белого камня. Подойдя к двери, он одним росчерком нарисовал незнакомую руну. Та вспыхнула красноватым светом и истлела, не оставив следа.

– Теперь никто не поймет, на каком языке мы говорим, – пояснил он. Я разглядывала его. Когда в чулане маг обнял меня, чтобы перенести из особняка на улицу, его тело показалось твердым и мускулистым. Вязаный джемпер с высоким воротом облегал широкие плечи. Движения выдавали в нем хищника, осторожного, но стремительного и опасного. Сейчас он притаился, позволял себе играть в спасителя потерявшихся между мирами девчонок.

– Ты мне сможешь вернуться домой? – резко спросила я, наблюдая, как он налил в лохань воду из медного кувшина, чтобы вымыть руки. – И не сдай в участок? Маг бросил на меня быстрый взгляд.

– Да.

– Как?

– Воспользуюсь служебным положением. Чувство самосохранения подсказывало, что уточнять, какое же он занимал положение, не стоило. Меньше знаешь, быстрее вернешься домой. Казалось бы, горячее парню выглядеть было некуда, но тут он закатал рукава джемпера и продемонстрировал татуировки на предплечьях. Одну руку обвивала змея, на другой с внутренней стороны теснились выбитые звездочки. Хотелось надеяться, что их наносили не по количеству пойманных в городе и замученных до смерти теветцев.

– Почему ты мне поверил?

– Твоя обувь, – кивнул он, мыля щелоком руки.

▲– Обувь? – не поняла я и с недоумением посмотрела на сандалии. Три кожаных ремешка обхватывали грязные ступни.

– После большого взрыва в Абрисе постепенно смещаются времена года. Подготовленный человек знал бы, что у нас сезон листопадов и вряд ли оделся бы по-летнему, чтобы не выделяться из толпы. – Вдруг на его лице заиграла широкая улыбка, и снова появились ямочки:

– Ну, и твоя пламенная речь задела меня за живое. Особенно часть про девст...

– Не надо! – категорично перебила я. – Мне и так стыдно.
В это время в комнату спиной вперед протиснулся подавальщик с подносом и, судя по всему, спас меня от града издевательских шуточек. На столе появились глиняные блюда с едой, забулькала еще кипящая чугунная посуда с густым варевом.
– Попробуй. – Маг плюхнул мне в тарелку ломоть разваренного мяса с овощами и сам принялся за еду. Я следила за ним, отчего-то не решаясь взяться за вилку, хотя от ароматных запахов набегала слюна.
– Ты принципиально не ешь с идейными врагами? – полюбопытствовал он.
– Я не ем с незнакомыми парнями.
На лекциях о рунической магии Абриса рассказывали, что у темных ведунов имя имело большое значение. Якобы оно открывало двери в душу человека, но маг без колебаний представился:
– Рой. – Он усмехнулся. – Теперь твоя вера позволит тебе поесть?
Жаркое оказалось вкусным и ароматным. Схватив кусок булки, я принялась его макать прямо в бурлящую кастрюльку. Потом не удержалась и облизала пальцы.
Рой следил, как я, прямо сказать, неженственно, а жадно и без стеснения, поглощала ужин.
Наверное, он про себя решил, что все теветские потеряшки походили на голодающих из Выжженной пустоши, год питавшихся корешками и дорвавшихся до нормальной еды. Перемещение через границу между мирами изрядно черпнуло магических сил, которые восстанавливались или за счет еды, или за счет сна. Поспать мне не светило, зато появилась возможность погасить голод сытным угощением.
– А у вас здесь, и впрямь, неплохо готовят. – Я обожгла губы очередным куском мяса и зашипела.
– Я же говорил, – усмехнулся Рой и спросил:
– Значит, ты учишься? Кем будешь?
– Артефактором.
– Хорошим?
– Очень даже, – промычала я с набитым ртом.
– И боевые артефакты тоже создаешь? – как будто, между делом уточнил он.
– Я изучаю созидательную магию, – залив застрявший кусок, пояснила я. – Не хочу выжигать боевую руну – больно и бесполезно, все равно оружие меня не привлекает. Когда-нибудь я создам самодвижущий экипаж на рулевом управлении, которому не нужны лошади.
– Не любишь лошадей?
– Мягко сказано. Я их ненавижу! В детстве у меня случилась одна неприятная история, связанная с лошадьми.
– Тебя сбросила лошадь?
– Никогда не ездила верхом, – призналась я. – Это история не для застольных посиделок, но она о мальчике, который мне очень нравился, белых атласных туфельках и лошади, остановившейся в очень неудачном месте.
– Она тебя лягнула?

– Лучше бы она меня лягнула, – мрачно отозвалась я. – Потому что тогда мне бы пришлось
отменить первый в своей жизни бал из-за травмы, а не из-за испорченных туфель.
Проклятье, я
так возненавидела балы и лошадей, что до сих пор не умею управлять экипажем и танцевать.

Рой поспешно схватился за стакан, но смех все равно подавить не сумел.

– Это печальная история! – серьезно заявила я. – Мне до сих пор обидно.

На некоторое время мы замолчали. Сотрапезник лениво потягивал напиток.

– Этот твой жених... сильно просчитался, когда отпустил тебя. – Он бросил над краем

кружки пронзительный взгляд.

♠Я подавилась и мысленно пожелала провалиться под засыпанную опавшими листьями землю

Абриса.

– Не смущайся, кое-чего из твоей пламенной исповеди я все равно не понял, – «успокоил»

Рой.

– Пятьдесят процентов? – с надеждой уточнила я.

Он покачал головой.

– Двадцать?

– Нет.

– Может, хотя бы пять?

Он с сожалением развел руками.

– Тогда что?

– Я впервые слышал слово «ахиня».

– И всего-то? – разочаровано протянула я. Лучше бы он не знал слова «девственница».

– Что оно означает?

– Абсурд, вздор, нелепость. Нужны еще варианты?

– У тебя, я смотрю, богатый словарный запас, – усмехнулся он.

– Я, вообще, поговорить люблю. Особенно не вовремя, – мрачно отозвалась я и попыталась

сменить тему: – Теперь моя очередь спрашивать. Признайся, Рой, таких, как ты, учат ловить

таких, как я?

Он усмехнулся:

– Ты явно не захочешь услышать ответ, Лера.

Никто и никогда не называл меня Лерой. Интересно, это был такой особенный абрисский шик

уменьшать имена, чтобы они звучали, как ласковые прозвища?

Не зная, куда деваться от смущения, я вытащила карманные часы и с излишне заинтересованным видом открыла крышку. Однако механизм точно взбесился. Резные стрелки

беспрерывно крутились в разные стороны, подобно магическому компасу, искавшему части

света на месте сосредоточия природной силы.

– Что с моими часами? – удивилась я.

– Давай, посмотрю.

Едва он дотронулся до артефакта, заряженного Истинным Светом, как пальцы шарахнуло

магическим разрядом, даже искры посыпались. Рой невольно отдернул руку, и часы кувырнулись в миску с мясом, где и утонули с тихим бульканьем.

Мы ошарашено смотрели, как золотой краешек скрылся в жирной гущине.

— Светлые духи! — простонала я, пряча лицо в ладонях и стараясь не расхохотаться. —

Ненавижу сегодняшний день!

— А по мне, так неплохой день, — хмыкнул Рой, пытаясь ложкой выловить золотой кругляш из мясной жижи. — Особенно его окончание. По крайней мере, было, пока я не утопил твои часы в соусе...

Поздний вечер сменился холодной ночью. Дождь закончился, ветер разгонял тучи. Они неслись

клоками, точно ожившие тени, и в разрывах то и дело выныривала луна. Я жадно ловила

взглядом стремительное мелькание ночного светила, редкого гостя в Тевете. В небе Абриса не

было отражения параллельного мира, словно его вовсе не существовало. Жаль, что даже с

погодой не повезло. Наверное, в ясные ночи бескрайнюю темную гладь усеивали мириады

мерцающих звезд.

Подъехала карета, и Рой открыл дверь:

— Забирайся.

Я нырнула в холодную темноту, уселась на ледяную лавку, едва подавив желание забраться с

ногами и натянуть на озябшие колени куртку. Маг о чем-то переговорил с возницей, а когда

забрался внутрь, то щелчком пальцев разбудил световой кристалл на потолке.

Неожиданно Рой уселся рядом со мной и стал раскладывать карту, которую, похоже, прихватил

у кучера.

— Покажи квартал, где ты живешь.

Передо мной оказалась развернутой карта родного Крамвеля, где со скрупулезной точностью

были указаны даже сторожевые будки.

— Зачем тебе?

♣— Я сегодня уже пару раз перемещался по континенту, и сил на прыжок через границу не

хватит, только на параллельное скольжение. С нашей стороны границы подъедем поближе к

нужному кварталу, чтобы тебе потом не пришлось далеко добираться.

Я с любопытством покосилась на него. Хотелось спросить, все ли темные ведуны умели с

легкостью перемещаться из мира мир, но не хватило духу.

— Ты всегда такой внимательный к нарушительницам границ?

— Только с теми, которые мне симпатичны. Показывай, — скомандовал он.

Не зная, как реагировать на небрежный комплимент, я наклонилась к карте и нашла свой район.

— Вот мой квартал.

— Каменных горгулий? Далековато ты оказалась от дома.

— Угу, в параллельном мире...

— Зачем ты решила участвовать в этих крысиных бегах?

Он так точно охарактеризовал «скольжение», что мне стало смешно. Наверное, мы действительно со стороны напоминали крыс, выпущенных в кукольный лабиринт в гонке за

кусочком сала.

– Ничего личного, Рой, возможно, твой мир и неплох, но Валентин ненавидит Абрис, а мне

захотелось сделать что-то такое, отчего ему тоже станет паршиво.

– Чужому жениху?

– Угу...

Я подняла взгляд от карты и потеряла мысль, вдруг осознав, что мы практически соприкасались

лбами. Близость вызвала чудовищную неловкость. Взгляд заметался по его лицу и снова

остановился на колечке в губе.

– Оно примерзает зимой? – слыша себя точно со стороны, выпалила я.

Уголок рта у Роя дрогнул.

– Нет.

– Хорошо, – промычала я, – а то было бы неудобно его каждый раз отмораживать. Что я несу?!

Отодвинувшись, я закуталась в его куртку и забила в уголок сиденья. Очевидно, Рой дал

распоряжения вознице, и мы тронулись с места. Он погасил световой кристалл и открыл одну

занавеску. В салон заструился тусклый уличный свет.

– Ехать долго, за городскую стену. Может, поспишь? Иначе свалишься после скольжения.

– Как я могу? – промычала я, подавив зевок. – Ты же на ногах еще держишься.

– Я гораздо сильнее тебя и магически, и физически.

– А еще у тебя самомнение зашкаливает, – отозвалась я и все-таки широко зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Ты со всеми такая прямолинейная?

– Только с людьми, которые мне симпатичны... – пробормотала я, борясь с сонливостью.

Глаза мне удалось разлепить с огромным трудом. Карета стояла, а Рой трепал меня по плечу:

– Просыпайся, мы приехали.

– Куда приехали? – Я выпрямилась, не сообразив, где нахожусь, и почему вокруг так темно.

Чтобы вспомнить события последних нескольких часов пришлось поднапрячься.

– Выходи, – скомандовал маг.

Оказалось, что мы стояли на проселочной дороге посреди густого реликтового леса. Вокруг ни

души, только высоченные деревья. Когда я выбралась из кареты, то наступила в лужу, и ноги

обожгло ледяным холодом.

– Проклятье!

– Осторожно! – Он подхватил меня под локоть и помог выбраться на твердую землю.

–

Пойдем.

Рой начал уверенно отдаляться от дороги, и мне ничего не оставалось, как идти следом. С тоской

я оглянулась через плечо, за голыми кустами светился огонек на крыше кареты.

– Когда проводят ритуалы с жертвоприношениями, то жертва должна быть сытая? – зябко

кутаясь в куртку, уточнила я.

– Не переживай, ради жертвоприношения я бы не повез тебя в лес. У нас для этого прямо в городе есть алтари.

– Ты же пошутил?

♣– Нет. Можно было сразу из едальной в святилище, – издеваясь, просветил он.

– Ты меня сейчас, вообще, не успокоил, – проворчала я, стараясь от него не отставать, хотя

хождение даже по летнему лесу в сандалиях было еще тем удовольствием, а по осеннему, в

кромешной темноте превращалось в изощренную пытку.

Едва фонарь исчез в темноте, как Рой остановился.

– Почему здесь? – не утерпела я.

– Нас уже с дороги не видно.

Во мраке вспыхнул огонек стило, и маг принялся чертить на ладони сложный знак.

Из-под

светящегося злым красным цветом острия шел дымок, в воздухе ощутимо запахло паленой

плотью. На коже появлялся черный ожог с воспаленными кромками. Светлые руны не калечили

тело и после себя не оставляли рубцов. Наверное, было больно до оцепенения, но ведун только

морщился.

– Готово. – Он спрятал стило обратно в карман и протянул руку:

– Иди сюда.

– Прости?

– Ты мне доверяешь? – в голосе Роя слышалась улыбка.

– Это ведь риторический вопрос? Можно не отвечать? А то врать очень не хочется.

– От

нервического напряжения меня трясло. – Скажи, мы точно не переместимся в чью-нибудь

библиотеку? Нас ведь заберут, как воров...

– Трусиха. – Маг резко схватил меня за запястье и привлек к себе.

Я налетела на него, и оказалась в кольце рук, тесно прижатая к горячему телу. Он не дал

возможности отстраниться или хотя бы возмутиться, лесную мглу рассекла алая вспышка, и под

ногами провалилась земля. Мы стремительно ухнули в пустоту. От страха я обхватила Роя

руками, да так крепко, будто пыталась сломать ему ребра.

Как и в первый раз, скольжение закончилось неожиданно. Я все еще прижималась к магу, когда

поняла, что воздух насыщенно пах сухой травой, а в тишине застрекотали цикады.

– Приехали, – тихо произнес Рой мне в макушку.

– Да? – Я подняла голову и огляделась.

Оказалось, что мы находились под каменным мостом рядом с кварталом Каменных Горгулий.

Расцепив объятия, больше походившие на крепкий замок, я отошла. Рой сунул руки в карманы.

– Ты сегодня нарушил много правил? – спросила я.

– Достаточно. Но точно не больше, чем ты. Нарушать правила весело, правда, Лера?

– С первого раза не оценила, – призналась я и помахала рукой:

– Прощай, Рой. Было приятно познакомиться, несмотря на то, что ты искупал мой курсовой

проект в мясном соусе.

– Прощай, Лера. Надеюсь, что созданный тобой артефакт невозможно уничтожить простым соусом.

– Это бы ударило по моему самолюбию. Скажи? – пошутила я.

Через темноту мы смотрели друг на друга в последний раз. Наши дороги расходились навсегда.

– Ты был прав, мне действительно повезло оказаться не на улице, в том доме, – призналась я.

– Без тебя я бы попала в большие неприятности. Спасибо.

Он, молча, кивнул, принимая благодарность. Если бы на прощанье новый знакомый выдал какой-нибудь нравоучительный монолог, типа, никогда больше не заниматься глупостями и не перемещаться в Абрис, то я бы разочаровалась и тем успокоилась, но Рой решил меня добить.

– Хотел бы я, чтобы ты жила в моем мире, – тихо вымолвил он и исчез, оставив мне куртку, кучу странных мыслей и такое же количество растрепанных чувств.

Мы с папой снимали первый этаж старого каменного дома, окруженного густым одичавшим садом. Он стоял в тупичке, в отдалении от нарядных соседей, выстроившихся на центральной улице.

▲Когда я, не чувствуя под собой ног, добралась до переулочка к дому, то уже светало. Фонари потухли, небо просветлело, и очертания абрисского города потускнели. Густо пахло влажной от росы зеленью. Я толкнула протяжно заскрипевшую кованую калитку и прошмыгнула во двор.

На плетеных качелях, стоявших на открытой веранде, поджав коленки и прикрывшись пледом, сладко спала Крис. Услышав мои шаги, она тут же открыла глаза и поспешно села.

– Лерой, слава Светлым духам! Ты где была? Я думала, что рехнусь от беспокойства!

– Что значит, где я была? – устало повторила я, плюхнувшись рядышком, отчего качели истерично зашатались.

– Проклятье, я как будто в кошмарный сон попала! – Подружка растерла лицо ладонями, пытаясь очухаться ото сна. – Вы только исчезли, как в мануфактуру нагрянули стражи.

Многих схватили. Парни, которые в Абрис переместились, наверное, вообще, на руки дознавателей выпали. Тебе повезло, что ты переместилась в город.

– В город? – переспросила я, подозревая, что подружка от страха оказалась в городском каземате немножко тронулась умом.

– Твой маячок не зажегся, – пояснила Крис. – Все решили, что ты не пересекла

границу и
выскользнула где-то в городе...

– Так и есть, – поспешно согласилась я, не представляя, как расскажу дику историю о
чужом доме, темном ведуне и перемещениях между мирами.

– А ты где грязь-то умудрилась найти? – удивилась подружка.

Она рассматривала мои ноги и заляпанные по колено леггинсы.

– Я выпала из ворот прямо в болото, – соврала я. – Хорошо, что в топь не попала.

– А как до дома добралась?

– Меня подвезли. Я выглядела такой жалкой, что извозчик мне даже куртку дал... Сговорились, что я ему потом на станцию завезу.

– Повезло. – Крис широко зевнула и помахала ладшкой перед лицом, вместо того, чтобы
прикрыть раззявленный рот. – А мы вдесятером в одном кэбе тряслись, да еще до
твоего
квартала пришлось шлепать час. Сколько там время?

Я похлопала по карманам, вытащила часы. После мясного соуса на ощупь золотой корпус
казался неприятно скользким. Стрелки показывали одиннадцать часов вечера, как
будто не
существовало ночи, проведенной в Абрисе.

– Часы отстают, – пожаловалась я.

– Неважно, – широко зевнула Крис. – Пойдем спать, а то мне скоро вставать надо. Она ошиблась, спать нам больше не пришлось. Едва я успела смыть с себя грязь и
запахи
Абриса, как услышала, что в дом кто-то принялся яростно стучаться. Ранний
визитер точно
пытался снести с петель тяжелую дубовую дверь, опечатанную специальной руной от
взлома.

Совершенно не понимая, кого притащили абрисские демоны в то время, когда у
соседей только
петухи проснулись, я поскорее вылезла из лохани с душистой водой. Жмыхнула
заслонка на
дверном окошке, а потом Крис меня позвала напряженным голосом:

– Валерия, ты здесь нужна!

Подруга никогда не называла меня полным именем, разве что при своем отце. Судя
по тому, с
какой проворностью она принялась открывать неподъемный засов, мне в голову
пришла
странная мысль, что молещик Серебров приехал за дочерью, чтобы отвезти на
утреннюю
молитву.

Представать пред отцом Крис в халате было неловко, а потому я натянула на себя
первое, что
лежало в корзине с грязным бельем. Как на грех, сверху валялось традиционное
теветское
платье, которое мне пришлось нацепить на обряд обручения Тина.

В измятом ярко-красном балахоне до пят я вывалилась из банной комнаты в кухню,
замещающую нам с отцом холл и столовую. Белая, как смерть, Крис хлопала круглыми
от страха
глазами и держала входную дверь широко открытой.

На пороге стояли двое хмурых стражей, и при виде их у меня в животе завязались
крепкие
узлы.

– Валерия Уварова, дочь профессора истории Демитрия Уварова? – раздраженным голосом спросил один.

Мы с подругой испуганно переглянулись, и я пролепетала:

– Что-то случилось, господин дознаватель? С папой что-то случилось?

▲Первый продемонстрировал мне свернутый свиток. В руках второго стража, как мановению

магического стило, появились кандалы, перекрывающие силу света.

– Валерия Уварова, вы арестованы по обвинению в незаконном пересечении границы с параллельным миром Абрис.

– То есть с папой все в порядке, – огорошено пробормотала я, и в комнате повисла пугающая

тишина.

Все молчали и не шевелились. Стражи примерялись, под каким углом скрутить хрупкую

девушку, чтобы она не скончалась на месте, а я не могла избавиться от дурацкой мысли, что

просто не имею права сесть в каземат без исподнего – в камерах же ужасно грязно.

– Можно мне переодеться? – наконец, вымолвила я.

ГЛАВА 2. ХОРОШАЯ ДЕВОЧКА ТИХОНЯ ЛЕРОЙ

– Ты будешь говорить или нет?! – Дознаватель шарахнул по столу кулаком, отчего подпрыгнули самописные перья и открытые бумаги, а я вжала голову в плечи.

К середине утра в комнате для допросов, похожей на каменную клетку, царила невыносимая

духота. Воздух казался липкий и пах смрадом. Я тишком следила за беснующимся стражем и не

открывала рта. По его лицу тек пот, воротничок рубахи промок, и когда он поворачивался

спиной, то между лопатками темнела влажная клякса.

Не добившись угрозами никакого результата, страж решил поменять тактику. Оперся руками о

крышку стола и зачастил отеческим тоном:

– Девочка, ты понимаешь, что обвинение в пересечении границы поставит крест на твоём

будущем? А ты, говорят, башковитая! Отличница. Ты знаешь, что тебе светит пятнадцать лет на

каторге. Ты оттуда в похоронной урне уедешь. Давай сотрудничать? Обещаю год в исправительном доме. Всего год без магического света, даже руны не придется заново учить.

Просто назови имя организатора.

Горло драло, как проклятое, то ли от прогулок по осеннему лесу, то ли от жажды.

– А можно мне водички? – прокряхтела я.

– Ты издеваешься? – рявкнул страж, выкатив глаза. – Ты открыла рот, чтобы попросить

водички? Да, ты у меня тут от жажды сдохнешь, пока не выложишь, кто устроил ваш поганый

шабаш! Скажи, тебе что, совсем не страшно потерять дар?

– Извините... – Я уставилась на грязный воротничок. – Не подумайте, как будто я тут

умничаю, но вы читали мою грамоту? Там должно быть сказано, что я обладательница

Истинного Света, мой дар невозможно перекрыть, и как бы вы мне не грозили...

– Да ты охамела вконец, финтифлюшка?! – завопил дознаватель и закашлялся, поперхнувшись собственной слюной.

В тот момент, когда подлец схватил глиняный кувшин с водой и стал пить жадными глотками, я

его возненавидела. Он плеснул остатки воды в пятерню и обтер взмокший затылок.

– Истинный свет, значит? Думаешь, если в тебе голубая кровь течет, то все можно?

В Абрис

слетать, как на Кайманские острова съездить – можно! Собаку каретой переехать – тоже

можно! Ты же особенная, все с рук сойдет...

– Извините, господин дознаватель, я не ослышался? – раздался из дверей вкрадчивый голос.

– Вы только что обвинили мою подопечную в пересечении границы с параллельным миром и

издевательстве над животными?

Одновременно с поперхнувшимся стражем мы оглянулись к двери. Пока меня запугивали, в

комнату незаметно проник невысокий тип в дорожном костюме и аккуратных очоках на

благообразном, гладко выбритом лице. Правда, взгляд у незнакомца был цепкий и точно

проникающий под одежду.

– Я стучался, – уверил он. – Три раза. Но потом услышал гнуснейшие вопли и посчитал, что

имею право зайти.

– Вы кто? – удивленно уточнил дознаватель.

– Поверенный Советника Озерова и судебный заступник госпожи Уваровой, – представился

типчик и, подставив коленку, раскрыл объемный портфель. Оттуда он вытащил личную карточку и тубус для депеш, опечатанный магическим знаком Мирового суда.

▲– Держите мою личную карточку, – проходя в комнату допросов, судебный заступник

протянул карточку дознавателю, а потом впихнул и тубус:

– Это тоже вам от мирового судьи.

Пока страж вскрывал печать, неумело ковыряясь стилем в линиях рунических узоров, визитер

устроился рядом со мной на лавке и тихо спросил:

– Валерия, из вас пытались силой выбить признание?

Не зная, как правильно ответить, я дернула плечом.

– Будете писать жалобу? – любезно предложил он.

– Какую еще жалобу? – рявкнул дознаватель, наконец, вытащив из тубуса свиток.

– Да, вы читайте, господин дознаватель, читайте.

Тот недовольно запыхтел, прочистил горло и бросил в нашу сторону подозрительный взгляд.

– В решении суда сказано, что с вас, Валерия, снимаются все обвинения в незаконном

пересечении границы между Теветом и Абрисом, – пояснил судебный заступник. – Однако

вы все-таки находились вчера в мануфактуре и следили за игрой, так что вам выписан штраф в

пятьдесят три золотых монеты и сто часов исправительных работ на благо нашего прекрасного

города Крамвеля. Вы согласны с решением мирового судьи?

– Да, – мгновенно выпалила я.

– Превосходно. – Типчик улыбнулся своей жутковато-кроткой улыбкой и обратился к стражу:

– Господин дознаватель, если вы все-таки справились с этим документом, то у меня большая просьба снять с моей подопечной кандалы.

Блюститель порядка яростно шурился. На лице ходили желваки.

– Валерия, вы точно решили не подавать жалобу на давление со стороны блюстителей порядка? – бессовестно поднажал судебный заступник.

То с какой резвостью меня освободили, вызывало непритворное уважение. Однако когда я выходила, страж остановил меня:

– Легко отделались, Валерия Демитровна. Помните, мы будем за вами пристально наблюдать.

– Хорошо, – для чего-то согласилась я и выскользнула в коридор, где меня дожидался судебный заступник, обтиравший взмокший лоб тонким батистовым платочком. Ту самую судебную грамоту он сунул мне в руки и вдруг принялся извиняться:

– Уж простите, Валерия, что не вытащили вас раньше. Ждали официальной грамоты. Нам повезло, что вчера под облаву попало слишком много адептов с громкими фамилиями, иначе так легко не отделались бы.

– Это вам спасибо.

– Что ж, позвольте откланяться.

Не дожидаясь меня, он припустил к приемной, где шумели взволнованные родители арестованных игроков. Я поковыляла следом, на ходу изучая судебское решение. Мне надлежало явиться в дорожную службу, а потом убирать мостовые.

Совершенно точно, это была паршивая карма! Теперь все лошади города смогут отомстить мне за ненависть.

На улице царил жар. Висевшее в зените солнце нагрело брусчатку, и воздух точно плавился.

Знакомый экипаж семьи Озеровых стоял у пешеходной мостовой, без зазрения совести перекрыв переход на другую сторону оживленной улицы. Кучер слез с козел и открыл дверь, выразительно намекая, что хозяин экипажа дожидается именно меня.

– Давай быстрее, а то весь холод выпустишь, – прозвучал из кареты знакомый голос.

Я забралась внутрь, скользнула на мягкое сиденье, оббитое натуральной кожей. Дверь закрылась. Мы тронулись с места. Валентин по-прежнему смотрел в окно и делал вид, будто я невидимка.

Мы не встречались со дня обручения, и я жадно разглядывала его. Красивый профиль, высокомерный взгляд, капризно сжатые губы. Светлые хорошо подстриженные волосы до подбородка. Ухоженные руки сложены на груди. Глядя на них, складывалось ошибочное впечатление, будто Валентин Озеров, сын одного из богатейших людей Крамвеля, никогда не

держал ничего опаснее самописного пера или магического стило, но в действительности под дорогими одеждами пряталось жилистое натренированное тело, а на крепком плече была выжжена боевая руна.

▲— Они предложили на выбор приют для стариков и уборку мостовых, — вдруг произнес он, разглядывая проплывавшую за окном торговую улицу. — Я выбрал уборку.

— Ты же знаешь, что я ненавижу, когда лошади гадят.

— В этом весь смысл. — Тин бросил на меня ледяной взгляд. — Сегодня в мой кабинет

ворвалась дочь молельщика, несущая сущую ересь про какое-то скольжение в Абрис. Хвала

Светлым духам, ты не пересекла границу, иначе даже я не смог бы тебя вытащить. Тем

кретинам светит по пятнадцать лет каторги. Если — заметь, я сказал «если» — они оттуда

выйдут, то забудут, как пишутся...

Наши глаза встретились, и он оборвался на полуслове. В карете возникла опасная тишина. Тин,

умевший читать в моем лице, как в раскрытой книге, понял, что я была там.

Он невесело усмехнулся:

— И как, Лерой? Тебе понравился Абрис?

Моему лучшему другу было тринадцать, когда его похитили абрисцы и потребовали крупный

выкуп. Валентин вернулся домой через три дня, и он никогда не рассказывал о том, что именно

происходило в плену, но его спину покрывали выжженные шрамы от темных рун, и он бесился

даже при простом упоминании параллельного мира. Пару лет назад вдруг заговорили о мирном

договоре и открытии границ, и он едва не лопнул от злости.

— В Абрисе красивые звезды, — отводя взгляд, соврала я, как будто действительно успела

рассмотреть ночное небо.

— Конечно, звезды — это важно, — с издевательской интонацией вымолвил Тин. — Кто помог

тебе выбраться обратно?

— Кое-кто, — уклончиво отозвалась я. — Оказалось, то абрисцы — очень гостеприимный

народ. По крайней мере, могут быть, когда хотят.

— Ты, правда, так считаешь? — В зеленых глазах сверкнул злой огонек.

Мне хотелось задеть его, и сейчас, когда я добилась цели, почему же на душе стало еще

паршивее, чем после злополучной помолвки? Не желая спорить дальше, я отвернулась и всю

дорогу до квартала Каменных Горгулий мы провели в натужном молчании.

Карета остановилась напротив узкого переулочка, ведущего к нашему с отцом дому.

Сухо

попрощавшись, я выбралась наружу, но не успела добраться до калитки во двор, как Валентин

схватил меня за локоть и резко развернул. На его обычно надменном, непроницаемом лице

проявилась едва сдерживаемый гнев.

– Ты ведь из-за меня решила участвовать в игре?
Я выразительно посмотрела на его руку, где на внешней стороне кисти мерцала руна обручения,
однако Тин даже не подумал разжать пальцы.
– Из-за меня?! – повторил он, тряхнув меня. – Ты бы никогда даже не приблизилась к месту сборов, потому что знаешь, как я отношусь ко всему, что связано с тем проклятым миром.
Он ловко загонял меня в угол.
– Ради Светлых духов, причем здесь ты? – Я вырвалась из его рук, почти уверенная, что от его железной хватки на коже останутся синяки. – Ты удивишься, Тин, но в моей жизни не все вращается вокруг тебя. Я приехала в мануфактуру из любопытства, а в игру попала, потому что кто-то бросил мое имя в мешок для жребия. Надо было отказаться, но не хотелось выглядеть папенькиной дочкой в глазах однокурсников. Доволен?
– Не ври, тихоня Лерой. Ты никогда не совершаешь глупостей...
– Да неужели?
Мы буравили друг друга злыми взглядами.
– Валерия, тебя выпустили? – раздался за спиной изумленный голос отца.
Не веря собственным ушам, я оглянулась. Одетый в пиджак с золотой нашивкой за заслуги перед Теветом папа стоял возле калитки.
– Твоя подруга оставила послание, – пояснил он.
Было страшно представить, как папа всполошился, прочитав новость о моем заключении.
Первым отмер Тин.
– С возвращением, профессор Уваров.
Когда мы были детьми, лучший друг называл отца дядей. Теперь они придерживались официального обращения.
– Я думала, что ты вернешься только на следующей седмице. – Я поцеловала папу в небритую щеку.
♣– Вышло освободиться пораньше. – Он растеряно поправил круглые лекторские очки. – Как вижу, вы справились и без моей помощи, молодой человек?
– Извините, – для чего-то попросил прощения Тин.
– Что ж... – Отец растеряно оглянулся в сторону дома. – Похоже, мы теперь можем варить пшеничную кашу. Заходите.
– Мне пора, – мгновенно отказался Валентин.
– Ну, хорошо. – Он поправил очки. – Валентин, передайте родителям, что я загляну на днях.
Прощались скомкано и неловко, а когда мы вошли в дом, то посреди кухни обнаружился криво стоящий дорожный сундук с откинутой крышкой. На кухонном столе были свалены какие-то свитки и тубусы. Верно, папа собирался в страшной спешке.
Не произнося, ни слова он направился к себе комнату. Во всем мне чудился немой укор: и в разбросанных вещах, тонко намекавших, в какой панике только переступивший порог родитель собирался в участок, и в гробовом молчании, и в ссутуленных плечах отца. После

смерти мамы

он всегда поступал подобным образом – замолкал.

– Почему ты не накричишь на меня? – не удержалась я. – Накричи. Можешь даже ударить, я заслужила.

Папа оглянулся, в лице появилось удивление. За всю свою жизнь он не повысил на меня голоса

и не тронул даже пальцем.

– О чем ты толкуешь, Валерия?

– Я знаю, что сильно подвела тебя.

– Ты раскаиваешься, этого достаточно.

Однако на пороге спальни, прежде чем закрыть дверь, он помедлил.

– Но знаешь, дочь, если бы сегодняшним утром я застал тебя с молодым человеком, то

расстроился бы чуть меньше, чем когда узнал, что тебя арестовали за незаконное перемещение

в Абрис.

Папа скрылся в комнате. Лучше бы он поднял скандал, тогда бы я не чувствовала себя из рук

вон плохой дочерью.

С отработки я возвращалась поздним утром, когда солнце уже набрало густоту и силу. От

непривычки тело ныло так сильно, словно метлой и совком меня колотили, а не заставляли

скрести мостовую на торговой улице. Под ногтями появились темные полумесяцы, и сама себе

я так напоминала пыльный мешок, что хотелось с головой окунуться в прохладную купальню.

У пешеходной мостовой, как раз напротив переулка, ведущего к дому, стоял незнакомый

элегантный экипаж. Рядом с нашей калиткой меня поджидала высокая брюнетка в белом

платье. Обнаружив невесту Валентина, я с трудом подавила позорное желание спрятаться в

кустах.

– Кларисса?

Она обернулась, на красивом лице с точеными чертами появилась милая улыбка.

– Извини, что нагрянула без предупреждения, Валерия.

Ранним утром, отскребая брусчатку совком, я была уверена, что начавшийся подобным образом

день просто не может стать хуже. При появлении красивой, стройной гостьи становилось

ясным, что может, и еще как станет.

– Ты выглядишь... усталой, – заметила она.

– У меня с сегодняшнего дня началась отработка. – Я продемонстрировала на внешней

стороне запястья знак, поставленный стражем участка. На этом месте у Клариссы

поблескивала витиеватая руна обручения, вызывавшая во мне чувство глубокой обиды.

– Валентин говорил, что ты в последнее время в дурном настроении. Вот я подумала, почему

бы нам не развлечься?

– Развлечься?

Спасибо, Кларисса, я уже все утро развлекалась, убирая за лошадьми. Спасибо твоему жениху.

▲Мало того, что от злости Тин обрек меня на грязную, тяжелую работу дворничихой. Он не

успокоился и отправил невесту домучить жертву до смерти. Имея таких внимательных друзей,

можно было не заводить врагов.

– Померить платья, поболтать как подружки, – пояснила она, – съесть что-нибудь вкусное. Я

от Валентина слышала, что ты знаешь отличные едальни. Так что скажешь?

Убей меня прямо здесь.

– Конечно, давай развлечемся, как подружки, – нервно улыбнулась я. – Почему нет? Мне

нужно пятнадцать минут на умывальню...

По дороге на торговую улицу я с трудом справлялась с дремотой и была уверена, что от

усталости вырублюсь на первой же попавшейся софе в примерочной комнате или же уткнусь

носом в тарелку с поздним завтраком.

Мы приехали в знаменитую на весь Тевет портняжную лавку. На вывеске не значилось имени,

только золотой вензель, известный даже мне, далекой от мод и фасонов. Обычно такие лавки я

обходила за четверть мили. Когда мы вошли в шикарно обставленный торговый зал, то к

Клариссе со всех ног бросились белошвейки. Появилась высокая ухоженная женщина и кивнула с видом королевы:

– Госпожа Кларисса, а вот и вы! Новые наряды привезли сегодня утром. Мы их никому не

показывали – вас ждали.

– Чудесно, – распевным тоном отозвалась невеста Тина. – Я приехала, как только получила послание.

Нас проводили в примерочную комнату, предназначенную для особых покупателей. Через

полчаса и пятнадцать цветных платьев, продемонстрированных Клариссой, я отчаянно перебарывала сон и мечтала растянуться на плюшевом белом диванчике с ногами, но

мне приходилось чинно сидеть и изображать из себя благовоспитанную барышню, правда, изредка

клевавшую носом. Когда я сладко зевнула, едва не вывернув челюсть, белошвейки в шестнадцатый раз раскрыли портьеру, прятавшую Клариссу. Стоя на возвышение, она

демонстрировала черное приталенное платье с широкой длинной юбкой. Помощницы придерживали зеркало размером в человеческий рост, чтобы придирчивая клиентка

получше рассмотрела прелесть наряда.

– Как думаешь, оно понравится Валентину? – спросила она, любуюсь отражением.

– Он не любит черный цвет, – машинально отозвалась я.

– Зато любит брюнеток. – Кларисса улыбнулась сама себе.

– Я почти уверена, что он не замечал у девушек цвет волос. У него были и брюнетки, и блондинки, и рыжие, и... – Под пристальным взглядом невесты я мгновенно исправилась:

– Брюнеток он выбирал чаще.

Девушка понимающе улыбнулась и мягко вымолвила:

– Его сложно любить, правда, Валерия?

Из живота поднялась горячая волна. Ей понадобилось несколько коротких встреч, чтобы разгадать тайну, на какую самому Тину не хватило и нескольких лет! Как часто бывало в делах, касавшихся лучшего друга, мне оставалось изворачиваться и прятать страх под нахальством.

– Кларисса, ты считаешь, что я влюблена в Валентина? Серьезно?

– А ты хорошо притворяешься. Видимо, сказывается опыт...

Я покосилась на беловшее, мгновенно зашушукавшихся в сторонке, и, не моргнув глазом, солгала:

– У меня есть парень. И давно.

– Парень? – на лице Клариссы появилось удивленное выражение. – Тогда почему Валентин о нем ничего не знает?

– Было бы странно, если бы я рассказывала ему о своих поклонниках, – отозвалась я.

Противница кашлянула, не зная, что еще сказать, а потом повернулась к работникам:

– Платье ужасное и сидит плохо. За такие деньги, оно должно превращать меня в королеву, а не в дворничиху. Покажите что-нибудь еще.

Когда занавеска снова запахла, я перевела дыхание. От нервного напряжения было сложно усидеть на месте. Как всегда я принялась метаться по лавке, прошлась по примерочной комнате, вернулась в торговый зал, где несколько клиентов восхищенно закатывали глаза перед одетым в небесно-голубой шелк манекеном.

▲– Вы можете примерить, – произнесла за моим плечом молоденькая подавальщица в форменном платье.

Оказалось, что я замерла перед белым нарядом из тончайшего кружева.

– Он идеально на вас сядет, – продолжила девушка.

– Я все равно не буду его покупать, – попыталась я отвертеться от примерки.

– Но ведь за пробу денег не берут, – пожала плечами торговка.

Уже через пять минут, спрятанная за серой портьерой, я разглядывала свое отражение в высоком зеркале. Платье действительно село, как влитое. Я никогда не отличалась формами и, несмотря на всю мою любовь вкусно поесть, со стороны походила на фитилек, но удивительным образом облегла тело, подчеркивая женственные изгибы.

– Идеально, – с довольной улыбкой вздохнула помощница. – Покажитесь друзьям? Она щелкнула пальцами, и портьера отъехала в сторону, открывая комнату для примерок. На белом диванчике, сложив ногу на ногу, со скучающим видом сидел Тин. Он

повернулся в мою сторону и застыл. Пристальный взгляд заскользил по моей фигуре, затянутой в нежное кружево.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась я, стараясь не замечать ноющей боли, возникшей в груди при виде лучшего друга.

– Кла... – Оказалось, что его голос сел, и он откашлялся. – Кларисса попросила приехать. Не знал, что ты тоже здесь.

– Мы, вроде как, развлекаемся с утра, – мрачно отозвалась я. В этот момент с громким жмыхом распахнулась занавеска в соседнюю примерочную. Стоявшая

перед зеркалом Кларисса была облачена в точно такое же, что и я, белое платье, обтягившее

полную грудь и крутые бедра. Казалось, что на женственной фигуре кружево расползалась по

швам, по крайней мере плетенные цветы растянулись очень живописно.

На комнату обрушалась неловкая тишина.

– Красивое платье, – натянуто улыбнулась соперница.

Я испуганно покосилась на лучшего друга и пробормотала:

– Я его сниму.

– Ты должна купить его! – остановила меня Кларисса. – Оно непременно понравится твоему парню.

– Какому еще парню? – мгновенно ошетинился Тин и повернулся ко мне:

– И давно у тебя появился... он?

Упрек в тоне обескураживал. Я открыла рот, не зная, что ответить, но Клара пропела:

– Оказывается, давно.

– Почему я ничего никогда о нем не слышал? – Теперь голос Озерова зазвенел от возмущения.

– Потому что ты мне друг, а не подружка, – огрызнулась я. – Я переоденусь.

– Ты должна нас познакомить! – произнесла Кларисса. – Давайте, встретимся вчетвером.

Что скажешь, Валентин?

Он ничего не хотел говорить, буравил меня нехорошим взглядом, словно я совершила преступление. На лице ходили желваки.

– У тебя, правда, есть с кем-то отношения, Лерой?

– Не с кем-то, а с мужчиной. Не понимаю, что тебя удивляет.

– Как его зовут?

Перед мысленным взором вдруг появились очень светлые серые глаза и тонкое колечко в

нижней губе. С момента скольжения прошло всего пару седмиц, но мне уже не удавалось четко

вспомнить лица Роя, словно мы встретились в давнем полузабытом сне.

– Его зовут Роман, – назвала я имя абрисского ведуна на теветский манер. Ему без разницы,

что я наплела друзьям о придуманной романе, а мне врать проще, представляя перед глазами

реального человека.

– Он из Крамвеля?

– Нет... Мы живем в разных городах.

– Сколько ему лет?

– Двадцать четыре.

– Он обладает Истинным Светом?

▲– Его магия... не похожая на нашу, – нашлась я и добавила, совершенно искренне рассердившись:

– Клянусь, Тин, я не понимаю, почему все еще отвечаю на твои вопросы.

Раздраженно взмахнув рукой, я заставила занавеску скрыть меня от пристального, нехорошего

взгляда лучшего друга. Непроницаемое полотно стремительно распрямилась, словно занавес на театральной сцене.

Вечером в мои двери постучались. Нарочитый привез большую коробку, перевязанную нежно-

розовой лентой. Когда я распутала пышный бант и открыла крышку, то обнаружила внутри

аккуратно сложенный под хрусткой бумагой кружевной наряд. Сверху лежала белая чистая

карточка. Как только она оказалась в моих руках, то кончики пальцев закололо от знакомой

магии, принадлежавшей Тину, по плотной бумаге замельтешила искра, выжигавшая написанную летящим почерком строку:

«Я не верю, что он есть, тихоня Лерой».

Ирония заключалась в том, что Рой действительно существовал, дышал, творил магию. С одной

оговоркой – он жил в параллельном мире.

– Самовлюбленный эгоист. – Я закрыла коробку и спрятала ее в шкаф на самую верхнюю

полку, чтобы у меня никогда не возникло соблазна надеть наряд на встречу с Валентином

Озеровым, прекрасно знавшим, как держать девушек на коротком поводке.

Это было бы исключительно пошло натягивать платье, подаренное мужчиной. Дорогую одежду

дарили любовницам, но никак не лучшим друзьям.

Вокзальная площадь галдела и суежилась. Подъезжали и отъезжали многоместные тяжеловесы,

переругивались грузчики. То и дело в гомон людских голосов вплетался пронзительный звон

колокольчика, предупреждавшего о прибытии очередного междугороднего омнибуса.

Папа уезжал на два месяца в столицу читать лекции по истории в Королевской Академии, и я

еле-еле уговорила его не отказываться от выгодной работы, клятвенно уверив, что буду вести

себя пайнкой. Теперь мы стояли у открытой двери в душный омнибус, в растерянности

наблюдая за другими людьми.

– Отъезжаем через пять минут, – прикрикнул с козел контролер.

– Ну, все, дочь. – Папа забрал у меня корзину со снедью и поцеловал в лоб. – Езжай уже домой.

– Не забудь положить еду в холодильный шкаф. Замораживающей руны хватит только до

ночи, потом все испортится, – проинструктировала я и осторожненько попросила:

– Не говори тетушке Матильде, что я не приехала в столицу из-за судебного предписания, а то

она меня закидает ворчливыми письмами.

– Хорошо. – Он улыбнулся. – Только пообещай, что больше никакого Абриса.

– Я думала, ты сторонник Абриса, примирения и всего такого, – принялась его дразнить я.

– Да, но не когда из-за него мою дочь забирают в участок. – Он кивнул. – Ну, иди.

– Пока. Обещаю, что в этот раз ты обнаружишь меня на кушетке с молодым человеком, а не в

стражем участке. – Я помахала его рукой. – Отправь сообщение, как доберешься.

Пока я шла к выходу, то несколько раз оглянулась. Наконец, папа скрылся в карете. Путь до

столицы занимал почти весь световой день, было бы проще переместиться с помощью ворот, но

отцу строго запретили магические перегрузки, и он путешествовал омнибусами.

– Извините, госпожа, – подвинул меня с дороги дородный страж.

– Ничего, – пробормотала я, проследив за ним недоуменным взглядом.

▲Люди в форме стягивались в площадке, куда прибыл омнибус из соседнего городка Фратска, но

отчего-то к столбу с указателем не приближались, а ждали в отдалении, словно желая просто

понаблюдать за пассажирами только-только подъехавшего многоместного экипажа.

Грузчики бросились спешно отвязывать дорожные сундуки, а ошалелый от дороги народ

выбирался наружу. Тут из кареты появился высокий темноволосый мужчина. Он спустился с

подножки на пешеходную мостовую, помог сойти неловкой маленькой старушке. Я уже отвернулась, но остолбенела, пораженная неожиданной, острой мыслью.

Это был Рой!

Повернув голову, я уставилась на парня, почти уверенная, что обозналась. Он поправил на

плече сумку, окинул быстрым взглядом вокзальную площадь, похоже, подмечая стянутых к

омнибусу стражей. Наверняка, стража пришла по его душу, но он ничем не выдал напряжения.

Не торопясь, на манер капора натянул на голову, намотанный на шею, тонкий светлый шарф,

попрощался со старушкой и двинулся к выходу. И хотя Рой вел себя как обычный путешественник, ему наперерез бросилась пара чрезвычайно хмурых стражей.

– Сюда! – заорала я раньше, чем успела сообразить, во что снова ввязываюсь. – Ты идешь не

в ту сторону!

На мой вопль обернулась целая толпа и даже притормозившая охрана, но не Рой. Сложив

ладони рупором, я крикнула:

– Ты оглох, что ли, убийца курсовых проектов?! Повернись, наконец! Я здесь!

Он резко оглянулся. Взгляд остановился на мне, размахивающей руками, но в лице

не
появилось и подобия узнавания, скорее недоумение. Конечно, я не претендовала на то, чтобы
обо мне помнили до конца жизни, но ведь он тоже с первого взгляда не походил на рыбу с
памятью в две секунды. Даже последний растяпа за пару седмиц не забыл бы человека,
которого незаконно перетащил через границу с Абрисом!
Но вдруг Рой стянул с головы шарф и позвал меня, уверенно подняв руку:
– Валерия!
Чтобы окончательно сбить с толку соглядатаев в форме, нам стоило броситься друг другу
навстречу и крепко обняться на середине пути, тогда бы стражи точно решили, что у них перед
носом случилось воссоединение влюбленной парочки. Однако Рой даже не дернулся в сторону
попытки изобразить романтику, и бежать пришлось мне одной.
Я буквально повисла у него на шее. После секундной заминки он подхватил меня за талию и
приподнял над мостовой. Кто-то рядышком охнул, возмущенный попранием правил приличий.
– Ты, вообще, понимаешь, что делаешь? – едва слышно пробормотал он мне в ухо.
– Пытаюсь вывести тебя из вокзала, – процедила я сквозь зубы. – Немедленно поставь меня
на землю, а то юбка задралась!
Взявшись за руки, мы направились к выходу, а когда проходили мимо стражей, наблюдавших
за нами с откровенным подозрением, то Рой вдруг приобнял меня за плечи и на ходу поцеловал
в растрепанную макушку. Из-за этого краткого, едва ощутимого прикосновения губ к волосам
меня от головы до самых пяток точно пробил магический разряд, чуть колени не подогнулись.
На залитой солнечным светом привокзальной площади, Рой меня отпустил. Короткий отрезок
дороги до стоянки наемных кэбов мы шли в неловком молчании. Я лихорадочно пыталась
придумать, как наладить разговор.
– Эй, молодые, куда едем? – позвал нас кучер.
Когда мы приблизились, то он спрыгнул с козел на мостовую, открыл двери и разложил перед
нами ступеньку.
– Ну и жара, хоть бы дождик брызнул, – причитал он. – Куда решили ехать?
– Куда тебя отвезти? – уточнил Рой. – Домой?
– Поешь со мной! – выпалила я.
Проклятье, что?! Поешь со мной?
– Что? – удивленно изогнул брови Рой.
Да, что со мной не так? Я же многогранная личность! И организация душевная у меня
чрезвычайно тонкая! Ладно, может, не очень тонкая, но почему я опять заговорила о жратве,
как будто меня волнует только возможность набить живот?
– В смысле... – покосившись на ухмыльнувшегося кучера, я почувствовала, как начинаю

краснеть. — Ты все утро тряся в омнибусе, наверняка проголодался, а я знаю неплохую

медальню в паре кварталов. До нее ехать всего-то минут десять. Что скажешь? Конечно, если ты

торопишься...

— Я с удовольствием позавтракаю с тобой, — перебил неконтролируемый словесный поток

колдун.

— О... — Я кашлянула. — Хорошо.

Назвав нужную улицу вознице, я забралась в салон. Скамья была одна, и Рою пришлось

усесться рядом. Когда карета с толчком тронулась, я едва не съехала на пол. Смущенно

подвинувшись на лавке, поерзала на сиденье и расправила на коленях юбку.

— Что ты делала на вокзале? — вдруг спросил он.

— Отца провожала в столицу. А ты? Когда ты приехал сюда?

От внимательного взгляда мне стало не по себе. Он точно говорил, что я задаю не просто много

лишних вопросов, а сую нос в чужие дела. И у меня снова начался проклятый словесный

фонтан:

— Хвала Светлым духам, что отец не выскочил из омнибуса, когда увидел наши... к-хм...

обнимашки. Иначе бы вместо завтрака вдвоем, мы бы сейчас переживали смотрины втроем. Мы

с папой как раз обсуждали парней, кушетки и...

— Когда ты нервничаешь, всегда несешь ахинею, — с улыбкой перебил меня Рой.

— А?

— Я ведь верно использовал это слово?

Я ошарашено кивнула.

— Меня переместили чуть больше седмицы назад, — быстро ответил он и кивнул:

— Что за метка у тебя на руке?

— Метка? Ты про это... — Я потеряла руну, и магический знак отозвался голубоватым всполохом. — После возвращения меня арестовали и за скольжение приговорили к принудительным работам. Надеюсь, что хотя бы тебя не наказали.

— Жаль тебя разочаровывать.

— Вот ведь паршивость! Тебя тоже заставили отрабатывать?

— Нечто вроде того.

— Надеюсь, не принудили мести улицы? — с сочувствием уточнила я.

— Отправили сюда.

Я выразительно кашлянула.

— То есть выходит, мы переправляемся в Абрис ради развлечения, а вас сюда отправляют в

качестве наказания?

— В наказание мне перекрыли дар, а сюда отправили, чтобы дать Старейшинам остыть, —

объяснил Рой.

— Надолго перекрыли? — оцепенело повторила я.

— На пару седмиц... Что за жалобный взгляд? — усмехнулся он. — Я никогда не отличался

примерным поведением, так что магии меня лишили не в первый раз. Просто в моем возрасте

это... как сказать помягче... немного неловко.

— А что не так с твоим возрастом? — не поняла я.

Но тут кэб остановился на узкой улочке напротив крошечной едальни. Заведение располагалось на первом этаже двухэтажного домишки, утлого и жалко с виду. Однако покойная мама утверждала, что он стоял на этот самом месте еще во времена ее лицеистского детства, и переживет еще моих внуков. Хозяйка, среднего роста стремительная женщина, сама и готовила, и вытирала столы, и подавала. – Осторожно, притолока, – предупредила я, когда мы входили в низкие, узкие двери, и Рой пришлось пригнуть голову. Невольно я заметила, что вошел он бочком, как будто боялся не втиснуться в дверной проем. В лицо пахло печным жаром, запахом паровых булок и наваристого бульона. – Добро пожаловать, – стоя у очага и помешивая что-то в чане, прикрикнула покрасневшая от готовки хозяйка. Мы разместились за крепким длинным столом у окна. Рой уселся напротив меня, построил на скамье сумку и с любопытством задрал голову, рассматривая традиционную руническую вязь на потолке. – Что вам приготовить? – крикнула хозяйка через весь зал. Однако посетители, привычные к местным обычаям, даже бровью не повели. ▲ Два омлета и паровых булочек, – попросила я. – И нам еще булочек! – донеслось с другого конца зала, как будто едоки только и ждали удобного случая, чтобы попросить добавки. – Тетушка, я разбужу охлаждающую руну? – снова прикрикнула я, вытаскивая из сумки стило, похожее на серебристый металлический стержень. – Да, ради Светлых духов, – махнула она рукой. – Если силы не жалко, то буди. Едва магическое перо почувствовало Истинный Свет, как на острие вспыхнул голубоватый огонек. Я провела по контурам вырезанного на стене рисунка, чувствуя, как через пальцы вытекает тонкий ручеек силы. Руна вспыхнула и погасла, а в помещении тотчас заметно похолодало. – У тебя неплохо выходит, – заметил он. – Угу, – с самодовольством согласилась я, пряча стило обратно. – Я, вообще, хороша во всем, что касается бытовой магии. Тут хозяйка принесла заказ, и мы взялись за вилки. – Глядя на тебя, никогда не скажешь, что ты не боишься еды, – пошутил Рой, следя за тем, с каким удовольствием я поглощаю завтрак. – Мне нравится. – Только что я в тебя влюбилась, – промычала я с набитым ртом. – Обычно девицы моего возраста знают, где можно купить красивое платье, а я, где вкусно пожрать. Это ужасно неженственно! – Никогда не понимал, почему половина знакомых мне девушек при виде отбивной

прячется в
женской комнате, — заметил он.
— Считается, что девушка старше шестнадцати должна быть сыта салатным листком и
каплей
колодезной воды. Мы, знаешь ли, в шестнадцать входим в брачный возраст. Не дай
Светлые
духи, потенциальный жених решит, что не хватит монет прокормить невесту.
— Всегда удивлялся, как на таком питании девушки способны рисовать руны и не
падать
замертво.
— Скажи? — поддакнула я, вытирая рот льняной салфеткой. — Повезло, что я худая
от
природы, и никто не может заподозрить во мне здоровый аппетит.
Между тем, входная дверь отворилась. По деревянному полу простучали каблучки, а
наколдованный холод начал улетать наружу.
— Госпожа, закройте дверь! У нас мерцает охлаждающая руна, — прикрикнула
тетушка.
Я лениво глянула через плечо и, увидев посетительницу, выронила вилку,
пронзительно
звякнувшую о тарелку. Посреди обеденной залы застыла не менее удивленная
неожиданной
встречей Кларисса. И мне совершенно не хотелось узнавать, какая нелегкая
принесла в
дешевую едальню дамочку из высшего общества.
Взгляд брюнетки молниеносно переместился на моего сотрапезника, спокойно жующего
омлет.
— Валерия?
— Кларисса?
— Завтракаете? — Покачивая бедрами, она приблизилась к столу. — Не против?
Обращаясь ко мне, она смотрела на Роя и уселась за стол, не дождавшись
приглашения.
— Я приехала специально за паровыми булочками. Валентин сказал, что они здесь
страсть как
хороши. Кстати, невеста Валентина. — Она протянула через стол руку, как будто
невзначай
продемонстрировав знак обручения. — Валерия, наверняка, рассказывала вам о своем
лучшем
друге?
— Кое-что слышал, — согласно кивнул Рой, пожимая унизанные перстеньками девичьи
пальчики. — Приятно познакомиться с невестой того самого Валентина.
Сотрапезник бросил на меня понимающий взгляд и очаровательно улыбнулся.
— А вы, должно быть, тот самый Роман?
— Ты знаешь, Кларисса, мы уже уходим! — процедила я, вполне серьезно собираясь
спастись
от позора не менее позорным бегством.
— Я был бы тебе безмерно благодарен, тыковка, если бы ты дала мне доесть, —
нахально
заявил Рой.
Чего? Тыковка?!
Я попыталась пнуть его под столом, но по ошибке ткнула ножку, отчего истерично
звякнула
посуда.
— Угощайтесь. — Рой дружелюбно указал Клариссе на блюдо с булочками.
♣— Благодарю, но воздержусь, — отозвалась она. У меня напроць пропал аппетит, а

от вида

надкусанной паровой булочки с ароматной острой начинкой из мяса вдруг стало подташнивать.

– Так значит, вот как выглядит мужчина, которого Валерия ото всех прячет, – проворковала она.

Я жестко подавилась и схватилась за кружку с холодной водой.

– Говоря «прячет», что вы имеете в виду? – с невинным видом уточнил Рой и одарил меня

очередным, полным иронии взглядом. Даже страшно было представить, какие издевательские

мысли при этом его посещали.

– Мы едва ли не клещами вытащили, что у нее есть парень... мужчина. Я вас представляла

другим.

– Каким же?

– Вы старше, чем я думала.

– Разочарованы? – Он бросил лукавый взгляд из-под ресниц.

Прекрасно! Он нахально заигрывал с чужой невестой! Светлую руну воздержания ему на лоб,

пожалуйста.

– Кстати, Валерия, что ты рассказала друзьям о нас? – с лукавой улыбкой уточнил он.

– Она ничего не сказала, – с фальшивым разочарованием ответила вместо меня Кларисса. –

Разве что упоминала, что у вас долгие и серьезные отношения.

– Так и есть, – с серьезной миной поддакнул Рой, однако утверждение прозвучало, как

вопрос. Мол, так я встречаюсь с тобой? С каких пор? С тех пор, как перетащил тебя через

границу? Или же после того, как тискал тебя на вокзале перед стражами?

– Как жаль, что Валентин в конторе, – между тем, с наигранной грустью вздохнула Кларисса.

– Он бы с радостью с вами познакомился.

– В следующий раз... когда-нибудь, – попыталась воспротивиться я.

Ни-ког-да!

– Как насчет завтра? – немедленно предложила интриганка. – Здесь же, во время обеда.

– Нет! – рявкнула я. – Рой... Роман завтра утром возвращается во Фратск.

– Валерия упоминала, что вы живете в другом городе, – оживилась неугомонная собеседница.

– Вы, выходит, из Фратска?

– Выходит, что так, – согласился он и добавил:

– Валерии лучше знать. Кстати, я с большим удовольствием познакомлюсь с вашим женихом.

– Ты же уже купил билет на омнибус, – непрозрачно намекнула я, что он вовсе не обязан

строить из себя влюбленного кавалера.

– Обменяю, – дружелюбно предложил Рой, давая понять, что конфузная ситуация его настолько развлекает, что он готов построить из себя хоть кавалера, хоть крылатую горгулью.

– А если не будет мест?

– Тогда останусь у тебя еще на одну ночь, – с деланным легкомыслием отозвался ведун. –

Ты же не выгонишь меня на улицу?

Удивительно, как Кларисса не захлебнулась восторгом, когда поняла, что у нас особые отношения. Может, она уверилась, что я не покушалась на ее жениха, а значит, не представляла опасности, и портить мне жизнь не имело никакого смысла? Только если другой кандидатуры не нашлось бы.

Из едальной нам пришлось выйти втроем.

— Значит, договорились? — прежде чем скрыться в элегантном экипаже напомнила Кларисса о

знакомстве мужчин, ни один из которых, откровенно говоря, моим не являлся.

Абрисский гость

и вовсе совершенно случайно попал под раздачу, но вместо того, чтобы поднять на смех и

свалить в туман, вдруг решил пощадить опростоволосившейся врушке гордость.

Провожая задумчивым взглядом уезжавшую карету с Клариссой и коробкой паровых булочек,

Рой хмыкнул:

— Значит, Роман?

— Проклятье, мне так стыдно, что хочется удавиться! — с чувством воскликнула я.

— Ты

никогда об этом не должен был узнать! Я же не думала, что мы действительно когда-нибудь

встретимся снова!

— Похоже, это судьба.

— Артефакторы не верят в судьбу, — заметила я. — От нашего мастерства зависят жизни.

▲Небрежно засунув руки в карманы, он щурился в обезоруживающем солнечном свете, и

улыбался широко, открыто. На щеках были ямочки, в светлых глазах — веселье, и мое сердце

вдруг споткнулось.

— Может быть, пора поверить, Лера? — От вкрадчивых интонаций мягкого голоса по спине

побежали мурашки.

— Считаешь? — зачарованно вымолвила я.

С первой минуты знакомства мы играли в эту странную игру: завали вопросы, но не давали на

них ответов. Десятки вопросов, повисших в воздухе.

Что мы знали тогда друг о друге? Абсолютно ничего.

Мы еще не догадывались, что нас раз за разом сводила вовсе не судьба, а злой рок. Но если бы

догадывались, то попытались бы что-то изменить? Избежать и спрятаться?

Однозначно, нет.

На рассвете, когда за окном едва-едва забрезжило серое утро, появилась Крис.

Каждый шестой день подружке, как старшему ребенку в семье, вменялось посещение службы в центральной молельне. Надо было хорошенько помолиться и привязать ленточки на Древо Судьбы за здоровье всей семьи, но вместо святилища уже два года подряд филонщица приезжала ко мне и досыпала положенные часы, а потом, отдохнувшая и просветленная сытным завтраком, возвращалась домой. И ее ни разу не поймали. Удивительно, что при такой небрежности посланца все Серебровы обладали отменным здоровьем. Наверное, сказывалось, что троюродная бабка по отцовской линии обладала Истинным Светом. Правда, на ней природный дар и погас. К тому времени, как подружка продрала глаза, у меня полным ходом шли сборы. Я сидела перед зеркалом и битых полчаса расчесывала волосы черепашьям гребнем с особой руной, которая, если верить карточке по использованию, превращала непослушную копну в «блестящий водопад». Единственное, чего мне удалось добиться, так это хорошенько расчесать вечно распушенную шевелюру.

— Что делаешь? — сонно потянулась Крис на кровати.

— На встречу собираюсь, — хмуро отозвалась я, глядя на помятую подругу через зеркало. —

На что похожи мои волосы? На водопад похожи?

— Точнее на хорошо расчесанную шевелюру, — зевнула она, прикрыв рот.

— Так и знала! Эти гребни — выброс монет на ветер.

— Сколько время?

Хотя я проверяла время каждые тридцать секунд, бросила еще один взгляд на карманные часы, лежавшие на крышке стеклянной банки с ландышевым молочком для лица.

— Половина десятого! Проклятье, мне скоро выходить!

Я бросилась к старому, громоздкому гардеробу и, распахнув скрипучие дверцы, принялась рассматривать развешанные на плечиках платья. В самом конце перекладины, прижатая к деревянной стенке другой одеждой, скромно притулилась черная кожаная куртка Роя. Вытащив из шкафа синее платье, я повернулась к подруге:

— Как тебе?

— Ты похожа на утопленницу. Лучше выбери белое.

— Угу. — Я бросила синий наряд на пуфик и, вытащив белый легкий сарафан, прижала к груди:

— Как?

— Ну... точно наряднее, — одобрила Крис.

Повернувшись к зеркалу, я любовно расправила юбку-солнце.

— И кто он? — тихо спросила подружка. — Ради кого ты с самого утра прихорашиваешься?

Мы встретились глазами в зеркальном отражении. Крис была всклочена, заспана и с красным заматым следом от подушки поперек щеки. Она хитро улыбалась.

♣— Из кого-то ты вдруг бросилась перемерять четыре своих платья? Он адепт? Магистр? Я его знаю?

– Нет. Он... не отсюда.

– Когда ты с ним познакомилась, если только улицы метешь и книжки читаешь? До ареста?

– После скольжения он помог мне добраться до дома, – призналась я.

– Так это он тебя подвез?! Так и знала, что не было никакого извозчика! – Она подскочила на кровати и, выпрямившись на мягкой перине во весь рост, ткнула пальцем в сторону гардероба:

– Ты все еще хранишь его куртку! Это ведь его куртка, да?

Я так поспешно закрыла дверцы гардероба, словно в действительности вещь своровала.

– То-то мне история показалась странной! – разошлась Крис, имевшая склонность к романтике и экспрессии. – Какой извозчик может позволить себе куртку за двадцатку золотых?

– Сколько она стоит? – поперхнулась я.

Цена куртки равнялась почти половине присужденного денежного взыскания! Отец наотрез отказался платить, и мне, к слову сказать, пришлось взять ссуду, чтобы покрыть долг.

– Ты должна мне все рассказать! – потребовала Крис, усаживаясь на кровати. – Немедленно!

Во всех подробностях! Вы уже спали?

– Я сделаю вид, что ничего не слышала.

– Ну, вы хотя бы целовались? – придумывала страстный роман подружка. – Он ведь хорошо целуется?

– Я не знаю.

– С ума сойти, Лерой, – фыркнула она. – Таким темпом вы познаете друг друга, когда с вас песок посыплется.

– П-познаете? – поперхнулась я. – Как такое может говорить дочь молельщика?

Слушай, ты точно родная в семье? Может, тебя удочерили в младенчестве?

– Сама задаюсь этим вопросом, – пошутила она. – У вас свидание? Можно, я поеду с тобой?

Честно, я только постою в сторонке и погляжу на него одним глазком...

– Мы сегодня обедаем с Валентином и Клариссой.

В комнате наступила странная тишина.

– Лерой, ты за этого парня замуж, что ли, собралась? – наконец, ошарашено вымолвила подружка.

– Смерти моей хочешь?

– Да, брось, я тебя знаю, как облупленную, ты забудешь у отца попросить благословения, но без одобрения Валентина парня за руку не возьмешь.

– Ты преувеличиваешь, – сухо отозвалась я.

– Вовсе нет.

Я, было, открыла рот, чтобы попытаться переубедить выдумщицу, но та покачала головой:

– Я вот думаю, мне оскорбиться за то, что Валентин познакомится с ним первым? Хотя, в любом случае, мое благословение ты уже получила. Действуй, Лерой! – Она начертила в

воздухе божественное знамение, и между нами на пару секунд вспыхнул светящийся знак. —

Ладно, надо собираться домой, а то родители решат, что я просветлилась и отправилась в монастырь. Нельзя их так радовать...

С Роем мы договорились встретиться у башни с городскими часами, стоявшей на площади в пяти минутах ходьбы от едальни. Боясь опоздать, я вытолкала Крис из дома без завтрака и не стала экономить на извозчике, но получилось еще хуже. В центре города у какого-то экипажа отскочило колесо, улица оказалась перекрыта, и на мостовой немедленно выстроился мертвый затор — не повернуть из него, не выехать. Я то и дело поглядывала на часы, мысленно представляя, как Рой уходит, а мне не удастся до него докричаться. В конце концов, накрутив себя, я сорвалась. Сунув монеты извозчику через открытое оконце, выскочила из душного экипажа и припустила в сторону Часовой площади, лавируя по расклеенной мостовой между неподвижных экипажей и лошадей. И, конечно же, очутилась на месте встречи на полчаса раньше. Это было даже неприлично, учитывая, что нормальные девушки обычно опаздывали. Отчаянно нервничая, я встала на широкой каменной лестнице, ведущей к главному входу в башню, и неожиданно среди людей заметила Роя, торопливо направлявшегося к ступенькам. ▲Взгляд остановился на мне, взволнованно теребившей юбку, и на загорелом лице вспыхнула улыбка. С гулко бьющимся сердцем я сбегала с лестницы ему навстречу. Расстояние между нами стремительно сужалось... Вдруг что-то неуловимо изменилось. Рой все еще улыбался, но в глазах появился пугающий лед. Он смотрел на кого-то в толпе, видимо, следовавшего за мной, а потом едва заметно покачал головой, приказывая мне проходить мимо, не останавливаясь. Мы разминулись друг друга в полушаге. От страха не чувствуя ног, я пересекла площадь и повернула в переулок, ведущий к маленькой едальне.

Валентин и невестой сидели за столом у окна. Я подошла и, выхватив лучшего друга кружку с холодной водой, начала пить большими глотками. Руки тряслись, по подбородку текло.

— Лерой, помедленнее, — удивленно охнул Тин. — Ты захлебнешься.

Он как будто накаркал. Вода пошла «не в то горло», и я действительно раскашлялась.

— Я же сказал, — буркнул он, забирая у меня кружку.

Когда приступ удушья прошел, я плюхнулась на скамью рядом с Клариссой.

— Почему ты одна? — любопытствовала она. — Где твой парень?

— Он опаздывает. — Я не могла заставить себя отвести взгляд от окна, за которым плавилась на солнце улочка с выщербленной брусчаткой. — Извинился и сказал, что оплатит обед, раз уж задерживается.

— Как щедро, — слышалось со стороны Валентина ехидное замечание.

— Не хочешь — забудь.

— Ладно, не злись, Лерой, — протянул он.

Пока Кларисса с особым ехидством сноба, привыкшего есть серебряными приборами, тихонечко рассуждала, что можно съесть, чтобы потом не глотать порошки от несварения, я безотрывно следила за людьми на улице. И хотя было ясно, как день, что Рой уже не придет, все равно не могла отвернуться. Вдруг напротив едальни остановился кэб. Я даже вытянула шею, надеясь увидеть абрисского гостя, но из кареты вышла пожилая пара. Неожиданно в животе завязались крепкие узлы. Все ли с ним в порядке?

— Эй, Лерой! — видимо, не в первый раз позвал меня Тин.

— Извини? — с трудом переведя взгляд на лучшего друга, пробормотала я. — Ты что-то сказал?

— У меня больше нет времени ждать твоего опаздывающего парня, поэтому...

Я смотрела на него и не слышала, словно стала глухой. Капризный рот шевелился, в глазах светилось недовольство. Несколько долгих лет при взгляде в его красивое высокомерное лицо меня мучила резкая боль в груди, как будто сердце разрывалось на тысячи кусков, но вдруг я осознала, что ничего не чувствую. С плеч как будто сняли многопудовый груз, даже дышать стало легче!

Прерывая Тина на полуслове, я вскочила на ноги, прилично шатнув стол, и схватила с лавки сумку. Сотрапезники уставились на меня, как на безумную.

— Я... я пойду... Попросите тетюшку приготовить холодную лапшу с уксусом. В жару отлично пойдет.

— Ты забыла? У меня начинается удушье из-за уксуса, — сухо отозвался Тин.

— Правда? Как-то из головы вылетело...

Бегом я бросилась к Часовой площади, почти уверенная, что Рой меня ждал на прежнем месте, но лестница оказалась пуста. Я стояла на ступеньках, крутила в руках кругляш золотых часов и продолжала ждать. Время шло, мимо проходили люди, когда солнце стало садиться за черепичные крыши, и на площади растянулись длинные уродливые тени, я сдалась. Усталая и измотанная жарой, забралась в полупустой омнибус, идущий к кварталу Каменных Горгулий. Специально выбрала место в самом углу салона, чтобы никто не мешал жалеть себя, не просил подвинуться или убрать ноги, но все равно нашелся беспокойный тип, плюхнувшийся рядом. Мимо проплывали суетливые городские улицы, окрашенные червонным золотом вызревшего к

вечеру солнца. Тяжеловес прогромыхал по каменному мосту над блестящей на свету рекой

Нерицей, и через оконце в лицо пахло речным теплым сквозняком.

У меня не было никакого права чувствовать разочарование, но именно оно стискивало грудь горячим обручем.

— Зачем так долго стояла на солнце? — вдруг произнес сосед.

♣Узнав мягкий голос Роя, я ошарашено повернулась. Он действительно сидел рядышком,

скрестив руки на груди, и вместе со мной смотрел в окно. Поверх белой рубашки на нем был

надет черный пиджак.

— У тебя такое лицо, как будто ты признак увидела, — усмехнулся он.

— Как ты...

— Зашел следом за тобой в омнибус.

— Ты хоть представляешь, как напугал меня на площади? — выпалила я, когда переборол

первое удивление. — Сейчас все хорошо?

— Да, — согласился он. — Теперь все хорошо.

Неожиданно он протянул руку и осторожно заправил мне за ухо выбившуюся из пучка прядь

волос. Костяшки пальцев были разбиты, как после яростной драки. А когда полы пиджака

разошлись, то я, сама того не желая, заметила, что рубашку пятнали бурые кляксы.

— Не ранили? — тихо спросила я, надеясь, что никто из пассажиров, обмахивающих взопревшие лица веерами, со скуки не прислушивался к нашему разговору.

— Нет, — едва слышно отозвался он, давая понять, что кровь не его. Оставалось надеяться, что

газетные листы сегодня не выпустят новости о том, что в центре города нашли труп.

— Поедем ко мне?

— И часто ты приглашаешь в гости плохо знакомых мужчин?

Мы оба знали, что мне стоило схватить сумку под мышку, затянуть потуже ремешки сандалий и

с визгом броситься наутек от темного колдуна, чтобы он никогда и ни за что не сумел узнать

моего адреса.

— Ты станешь первым, — пошутила я. Рой поперхнулся, а у меня появилось подленькое

чувство, что прямо сейчас он сам захотел затянуть потуже шнурки на ботинках и выскочить на

первой же остановке.

К счастью, он не стал задавать вопросов, отчего теветская адептка прониклась неожиданным

доверием к почти незнакомому абрисскому ведуну. Не ответишь же, что-то вроде, потому что

ты, Рой, крышесносный парень с колечком в губе, от вида которого у меня сладко сжимается

где-то под ложечкой.

Квартал Каменных Горгулий получил свое название из-за исполинского размера изваяний

оскаленных чудовищ, стоявших по обе стороны от въездных ворот. Прогрохотав по старому

мосту, под который в прошлый раз меня переместил ведун, омнибус остановился. Немногочисленные пассажиры высыпали из кареты. Рой подал мне руку, помогая спуститься с высокой ступеньки, и после душного салона с липким воздухом показалось, что на улице царила прохлада.

Не сговариваясь, мы проигнорировали извозчиков и прошли под величественной аркой в тихий квартал каменных особнячков, черепичных крыш и цветущих палисадников. Тихонечко прошли по широкой улице, повернулись в проулок, ведущий к нашему дому. Мысль, что, наверное, со стороны мы напоминали влюбленную парочку, странно волновала. Наша калитка открылась с протяжным скрипом, и мне почему-то стало ужасно неловко:

— Ее надо смазать. Проходи.

У тропинки росли розы, давно переставшие цвести, зато цапко хватавшие колючками за одежду

и попортившие мне не одну шаль. На веранде стояли деревянные качели со скомканным пледом

и забытым с вечера любовным романом. На веревке между шестами болтались пересохшие на солнце простыни.

Сунув руки в карманы, Рой задумчиво рассматривал неухоженный сад, заросший кустами

одичавшей малины, пустующий второй этаж с темными окнами без занавесок и с облезшими

наличниками. Сбоку дома прилипла деревянная лестница с высокими ступеньками, даже на вид

не слишком-то надежная.

— Наверху никто не живет, мы с папой только первый этаж снимаем, — пояснила я, доставая

из-под глиняного горшка с крючком засохшей астры ключи от входной двери.

— Не страшно одной оставаться? — спросил Рой.

— Я привыкла, да и защитник из моего отца весьма спорный. Не подумай, будто я плохо о нем

думаю, — тут же оговорила я, отпирая дверь. — Папа у меня замечательный, но он профессор

истории со всеми вытекающими.

— Никаких охранных рун? — удивился темный ведун.

▲ Ты каждый день пробуждаешь руны? — пошире открывая дверь, полюбопытствовала я. —

Или как там у вас называется?

— Мы зажигаем руны, — объяснил он и, входя следом за мной в дом, вдруг произнес:

— Я живу в общежитии.

— А семья?

— Без семьи.

Рой осматривал большую кухню цепким, изучающим взглядом. Посуду на открытой деревянной полке, прокопченный чайник на потухшем очаге, оставленную мною кружку с

недопитым мятным отваром, книжку об устройстве экипажей, заложенную самописным пером.

— Проходишь? Можешь не разуваться, — тут же предупредила я и, как будто походя, схватила

ночную сорочку, брошенную Крис на спинку стула. — Знаю, что у вас принято.

– Изучаешь традиции Абриса, Лера? – насмешливо уточнил он, сделав вид, что не заметил,
как я нервно сминаю несчастную тряпку в руках, не зная, куда ее припрятать.
– Обязательный курс лекций в Университете. Ты хорошо говоришь по-теветски, –
заметила я,
запихивая скомканную рубашку в полку с полотенцами. – Зубрил или какую-то
специальную
руну наносили?
– Не то чтобы зубрил... У меня оказались способности к изучению языка. Ну, и
учительские
розги помогали.
На некоторое время между нами воцарилось неловкое молчание. Рой разглядывал на
наш
семейный портрет на стене. Его нарисовали практически перед смертью мамы. Она
умирала
медленно, от страшной болезни дара – Истинный Свет выжигал ее изнутри. Хотя
портретист
постарался добавить изможденному лицу толику румянца, в глазах все равно
пряталось
страдание.
– Ты похожа на мать, – наконец, произнес он.
– Такая же бледная?
– Такая же красивая. – Рой бросил в мою сторону быстрый взгляд.
У меня запылали щеки. Испытывая страшную неловкость, я указала на закрытую дверь
в
банную комнату.
– Купальня там. Принесу что-нибудь переодеться.
Вытащив из отцовского комода льняную рубаху со шнуровкой на воротах, я подошла к
купальне
и уже занесла кулак, чтобы постучаться, как дверь стала сама собой открываться
от сквозняка.
Щель ширилась, и я замерла, не пытаясь ее закрыть.
По пояс обнаженный Рой стоял спиной ко мне и осторожно промакивал сложенной
салфеткой
порез на боку. На белой махровой ткани оставались кровавые следы. На сильных
руках с
прожилками вен не было ни одной татуировки, как будто их заставили отмыть перед
ссылкой в
Абрис.
– А говорил, что тебя не ранили, – ошарашено вымолвила я, на самом деле,
разглядывая его
крепкое, мускулистое тело, а вовсе не рану.
– Это просто царапина, – оглянулся он через плечо. – Если бы не перекрыли магию,
давно
бы затянулась. Есть чем перебинтовать?
Я решительно вошла в купальню, повесила рубашку на крючок и, стараясь
игнорировать вид
полуголого парня со скульптурным торсом, принялась нервно перебирать баночки в
корзине с
притирками. Тишина наполнялась истеричным звяканьем.
– Ты спокойно реагируешь, – тихо заметил он.
– А мне с истошными криками броситься наутек? – пошутила я.
– Не спросишь, что случилось?
Хотя десятки вопросов крутились на кончике языка, задавать их не имело смысла,

вряд ли мне
бы дали правдивый ответ, вынуждать нового знакомого врать было бесчеловечно.
– А стоит ли? – с нарочитым спокойствием отозвалась я. – Вопрос в доверии.
Плохой
человек не станет вытаскивать из неприятностей совершенно незнакомую девчонку.
Согласись?
Так что я тебя доверяю, Рой.
От моего признания у него вдруг сделалось странное лицо.
– Почему мне кажется, что теперь именно ты хочешь сбежать с истошными криками? – заметила я, наконец, находя нужный пузырек. – Помочь с перевязкой?
Когда крышка на баночке была откручена, то в нос ударил резкий, ядреный запах камфары.
– Отвратительно пахнет, – поморщилась я, – но хорошо заживляет.
▲Однако в лечении произошла заминка. Стоило мне легонько прикоснуться кончиком пальца к
порезу, чтобы нанести мазь, как Рой содрогнулся. Мышцы живота напряглись.
– Жжет? – спохватилась я. – Давай, подую?
– Не надо... – Он попятился от меня.
– Да, брось, – настаивала я, собираясь плюхнуться на колени и хорошенько подуть на рану.
– Мама всегда так делала...
– Лера, ради всех Святых, остановись! – Рой схватил меня за запястья, не давая прикоснуться
к себе, и отодвинул на расстояние вытянутой руки.
В молчании мы смотрели глаза в глаза. Пространство между нами густело и почти
искрилось от
странного напряжения. Я вдруг поймала себя на том, что дышу коротко и неглубоко.
У Роя
судорожно сократился кадык.
– Прости меня, – произнес он севшим голосом.
– Тебе не за что извиняться.
– Ты ошибаешься.
Он выпустил мои руки, отчего-то вмиг ставшие свинцовыми. Подхватил с пола
испачканную
одежду. В растерянности я наблюдала, как гость быстро натягивает окровавленную,
заскорузлую рубашу, сует руки в рукава пиджака. В гробовом молчании он вышел из
купальни.
Вскоре, заставив меня вздрогнуть, шибанула входная дверь.
Что это было?!
Недолго думая, я сорвалась с места, выскочила на крыльцо и еще успела заметить,
как
закрывалась скрипучая калитка. Я нагнала беглеца на середине переуллка, схватила
за руку и
заставила обернуться. Его взгляд был мрачным, на лице ходили желваки.
– Как можно так сбежать? – с нажимом потребовала я ответа. – Если не хочешь,
чтобы я
заработала комплекс на всю жизнь, просто скажи, что я сделала неправильно?
Все произошло преступно быстро. Его ладони неожиданно мягко обняли мое лицо, и
он
прижался твердыми теплыми губами к моим. Вкрадчивым прикосновением язык заставил
меня
открыть рот. Рой целовал меня, медленно, осторожно, и в голове мгновенно
перепутались
мысли. Я вцепилась в его пиджак, боясь, что подогнуться колени. Под ногами плыла

земля, а в
груди закончился воздух, когда он отстранился и прижался лбом к моему лбу.
– Заставь меня уйти.
– Не хочу, – выдохнула я.
Он невесело усмехнулся и выпустил меня из своих рук.
– Считаешь, что мне стоит остаться?
– Не можешь?
– Нет.
– Тогда встретимся завтра? – предложила я. – Ты задолжал мне нормальное свидание.
– Хорошо, – вздохнул Рой. – Встретимся.
– На Часовой площади? В шесть вечера?
Он согласно кивнул:
– Договорились.
– Договорились, – прошептала я, стараясь подавить внутри удушающую радость.

Он не пришел на следующий день. Не появился на пороге и через седмицу. Через месяц я перестала ждать, а из памяти постепенно стирались черты его лица. И хотя мой собственный мир был удобным и легким, в голову приходила настойчивая, но неправильная мысль, что мне все-таки хотелось бы прикоснуться к его миру.

В пустом доме загрохотало, и, едва-едва задремав, я испуганно подскочила на кровати.
Оказалось, что на улице не пошел – заколотил – яростный ливень. Злой сквозняк раскрыл окно на кухне, и теперь в тишине хлопала рама. Пришлось вылезать из постели и тащиться на кухню.
Дождь бил по жестяной крыше веранды. Воздух был насыщен сладкой прохладой и свежестью, почти забытой за долгие седмицы летней жары. На улице гроыхнуло, и зажженный светильник, похожий на зыбкое солнышко, заискрился в плафоне, замигал и окончательно погас.
Я пошлепала к раскрытому окну и вдруг обнаружила валявшиеся на деревянном полу карманные часы. С месяц назад они исчезли, и сколько я их не искала – найти не могла, и в итоге решила, что потеряла, пока мела улицы. Обнаружить артефакт посреди кухни казалось и странным, и удивительным одновременно. Наклонившись, я поднял кругляш, но корпус оказался сильно нагретым, а крошечное магическое сердечко под крышкой билось истерично и неистово, хотя по правилам должно было точно повторять сердечный стук создателя. С часами творилось что-то неладное!

Я не успела их отшвырнуть. Вокруг меня на полу вспыхнуло огненной кольцо,
засветились
незнакомые символы. Секундой позже, как была, в тонкой кофте и спальных шортах,
я ухнула
вниз, переносясь в параллельный мир.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора:
<https://www.litres.ru/marina-efiminuk/mezhdu-dvumya-mirami-shkola-vyzhivaniya/>